

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЕГИН

ДМБ

ГОДЕН К СТРОЕВОЙ!

ВЕСЁЛЫЕ АРМЕЙСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДМБ

Михаил Серегин
Годен к строевой!

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Годен к строевой! / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (ДМБ)

«Армия — школа жизни, но лучше пройти ее заочно». Редкий призывник не согласится с этой мыслью. Но, если вы думаете, что армейская служба состоит только из суровой муштры и безрадостных будней, то вы ошибаетесь! Где еще, как не в армии можно в одном месте встретить столько разных и по-своему уникальных людей! В армейской жизни хватает места юмору, приключениям и настоящей мужской дружбе. В этом предстоит убедиться разношерстной компании новобранцев...

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Серегин

Годен к строевой!

ПРОЛОГ

Если вы проснулись утром в казарме и увидели, как недавно прибывший из учебки сержант застроил всех старослужащих вашей роты, откройте глаза по второму разу, товарищ солдат! Вы спите!

Что? Вы все-таки не спите?! О боже! Мир сошел с ума! Зачем вы родились на свет?!

Нет! Все сон, все дурной сон! Глаза открылись. Все хорошо, все очень хорошо. В шеренгу построены сержанты всего батальона! Какое счастье! Нет, сержантов жаль, они будут сейчас отжиматься. Как все здорово! Можно не волноваться за Российскую армию – она по-прежнему непобедима.

Да здравствует наш дурдом! Самый правильный дурдом в мире!

Глава 1 ВИКТОР

Весна. Снег еще не сошел с клумб Припрудненского райвоенкомата, а по его ступенькам начали шаркать будущие вояки от Тверской губернии.

Витек вошел в зеленые ворота с красными звездами, преисполненный большого желания стать настоящим бойцом. Его могли посадить за угон. Взяли его менты. Взяли. Но так как он в первый раз... Вообще-то, не в первый, это попался в первый. А чего не подкальмить, если в машинах сечешь? Вот и заработал...

Или в армию на два года, или в тюрьму на три. Выбор очевиден. За решетку кому хочется-то? К тому же служба биографию не портит. Соображай.

Подойдя к дежурному, Витек хотел отдать честь, но передумал и отдал повестку. Все-таки честь дороже, зачем же ее бесплатно отдавать.

Капитан прочитал фамилию, порылся в бумагах, вытащил из стопки личных дел одну тоненькую папочку и отложил ее на край стола.

– Резинкин, иди в шестнадцатую.

Оказавшись в длинном коридоре, худощавый блондин быстро нашел нужную ему дверь. Надпись большими буквами, сделанная от руки толстым красным фломастером на куске ватмана, гласила: «Медкомиссия». Ниже карандашом приписали: «Перед посещением выпить ртуть, принести анализы диабетика, сточить пятки, чтобы походило на плоскостопие. Но лучше сделать операцию по смене мужского достоинства на аналог, но женский. И недостойный». Бумажечка держалась на двери, как и все в нашей стране, ненадежно, с помощью ниточки, надетой на вдавленную кнопочку.

Внутри комнаты одна длинная скамья, несколько крючков для одежды и еще одна дверь, ведущая в соседнее помещение. Тоска одолевала всех, кто входил сюда. Только не Витька. Ему врачей надо пройти – сто пудов. Он сам себя уже годным признал заранее. Пусть во всех бумагах пишут «годен».

Около единственного большого окна стоял одетый лишь в семейные трусы парень. Повернув на шум лысую голову, он со знанием дела рекомендовал раздеваться.

– Здесь ждать не любят.

– Варягин! – донесся женский голос из-за стены.

– Меня, – пацан исчез в боковой двери, топая босыми ногами по каменному полу.

Витек остался наедине с двумя коричневыми облупленными дверьми. Только он успел стащить с себя штаны, как ввалилось сразу трое. Салаги, такие же, как и он.

Призывники шарили глазами по Витьку и висящей на крючках одежде.

– Чего стоите, раздевайтесь, здесь ждать не любят.

– Резинкин, – услышали все, и Витя подался к врачам.

– Топай-топай, – пробасил один из троих пришлых, отличавшийся от остальных шириной плеч и узким лбом.

В соседней комнате под давно не беленным потолком висел засиженный мухами молочного цвета плафон. Стены имели едко-зеленый цвет, разбавленный ярким пятном плаката с оптимистическим названием: «Дифтерия, холера и СПИД вокруг нас». Акварельными красками изображены были довольно отвратные типы, выдающие себя за эти болезни, а внизу буквами помельче: «Встретим их достойно».

– Это с хлебом и солью, – догадался Витек.

Немолодая женщина, склонив голову над столом, наяривала ручкой по одной из страниц в чем-то личном деле. Рядом с ней сидела толстуха в больших очках. Она теребила ручку в пальцах и ничего не писала.

В углу комнаты стояли ростомер и весы, рядом с ними – медсестра в самом белом халате из всех, что были на присутствующих, и в шапочке с кружавчиками колора спелой ежевики, бегущими по краю.

Похоже, он тут никого не интересуется.

Резинкин вернулся было обратно в раздевалку.

– Куда пошел?! – взорвалась толстуха.

Он не обратил на ее рык внимания.

Напустив на себя строгость, Витек в раздевалке объявил:

– Мужики, там сказали, чтобы остальные снимали с себя все.

Трое дегенератов стали переваривать услышанное, а он вернулся к врачам.

– Сердце болит? – спросила пишущая тетя.

– Нет.

– Идите сюда, – позвала медсестра.

– Ночью ходите?

– Хожу, а куда?

– Не прикидывайся идиотом. Писать ходишь? – Докторша подняла голову, уставившись на призывника маленькими злыми глазками.

– Рост – сто семьдесят два.

– Писать хожу.

– И как часто?

– Каждую ночь.

– Вес – шестьдесят девять.

– И давно под себя делаешь?

– Под себя с детства не делаю. А в туалет по ночам встаю. Это плохо? Мне никто об этом не говорил, доктор. Мне надо, чтобы все было хорошо. Ночью писать нельзя, да?

– Грудь – девяносто четыре.

– Можно, только не во сне.

– Нет. Во сне не хожу.

– Молодец.

– Размер противогаза – три.

– Корью, ветрянкой, свинкой болел?

– Болел всем.

– Сотрясения мозга?

– Были.

– Сколько раз?

– Два раза, у моей собаки.

– У тебя!

– Не знаю, документально не зафиксировано.

– Руки, ноги ломал?

– Да, правый указательный палец, он теперь не гнется.

– Ну-ка, покажи.

Резинкин посмотрел вниз на ногу.

– Вон видите, не до конца сгибается.

– Иди ко мне, – позвала записывающая антропометрические данные толстуха.

Резинкин послушно подошел к столу.

– Повернись.

Он подчинился и увидел на стене таблицу для проверки зрения.

– Закрой левый глаз. Читай, что написано над красной чертой.

Витя справился без труда.

– Молодец, другой глаз.

Резинкин повторил по памяти фразу из нескольких букв, не утруждая себя чтением.

– Засранец, – шепотом произнесла толстуха.

Возмущенный Резинкин повернулся. А не послать ли ее?

– Что я сейчас сказала?

– Засранец.

– Правильно, зрение единица, слух в норме.

– Пыреев! – выкрикнула доктор.

В дверь вошел высокий плечистый, что подавал недавно голос.

Медсестра от неожиданности часто заморгала. Толстуха покраснела, а крикнувшая докторша продолжала писать.

– Сердце болит?

– Марья Ивановна, – пролепетала толстуха.

Тетя подняла голову от личного дела и увидела внушительную приспособу для воспроизводства себе подобных.

– Что это? – пролепетала она, протягивая личное дело Резинкину. – В следующую комнату.

– Член, – ответил за слегка сконфуженного парня Резинкин и прошел в следующее помещение.

– Умник! – послала ему вслед доктор.

За столами друг напротив друга сидели два мужика. Один в погонах, молодой, другой в белом халате, старый.

– Ко мне, – позвал старый. – Спусти трусы.

Резинкин подчинился.

Доктор взглянул на добро.

– Годен, – пробормотал дед, начиная быстро заполнять свою графу в карточке.

– А то, еще как годен.

Запись была короткой.

– Берите личное дело и встаньте ко мне лицом, – произнес молодой.

Не натягивая трусы, Витя крутанулся на голос и протянул свою папочку.

– Резинкин Виктор Сергеевич, в соответствии с Законом Российской Федерации о воинской обязанности вы призваны на срочную военную службу сроком на два года. И натяните трусы, подорвете сквозняком здоровье, товарищ боец.

* * *

Витя сидел за большим обеденным столом в зале и держал в одной руке рюмку с водкой, а другой размеренно тискал Аленкину голую нежно-розовую ляжку, задрав юбку так, как только было возможно.

Поскольку произносился не первый тост, никто не вставал, и последние полчаса он не прекращал гладить ее ни на минуту. Все приглашенные порядочно поднабрались, но вряд ли они преодолели и треть пути. Резинкины запаслись зельем основательно и считали своим долгом упоить гостей в дым, что сделать в русском селе весьма не просто. Очень многие способны шевелиться и бормотать даже после нескольких предельно допустимых доз. Один из таких крепких орешков – старый дед Петро – толкал речь:

– Служи геройски, чтоб родители могли гордиться тобой. – Витькина мать всплакнула и поспешила промокнуть глаза краешком цветастого платка, отец молча кивнул, глядя в рюмку, самого оратора повело немного вперед, но он приостановил движение по опасному направлению, уперевшись в стол. – По службе не робей и, если придется бить кому-нибудь морду, делай это на совесть. Не забывай свою красавицу, – все взглянули на румяную Аленку, и та опустила глаза, томно вздохнув. Витькина рука блуждала по знакомым ей местам вот так вот прямо за столом... Хорошо, что скатерть длинная и люди вокруг основательно захмелевшие. – Давайте выпьем за будущего солдата и пожелаем ему легкой службы.

Заглатывая водку, Витя перестарался, и Аленка, расплескивая спиртное, повалилась к нему на плечо, а потом нежно поцеловала при всех.

Витек поднялся, взял со стола пустой стакан. Налил в него самогонки до краев и медленно осушил одним махом.

– Силен.

– Силен, – понеслось со всех сторон.

Аленка зааплодировала.

– Я иду служить, – сделал заявление заплетающимся языком Виктор, сел, обнял за шею Аленку, а в следующее мгновение в полубреду повис на ней, невольно хватаясь руками за мягкое.

Витя стоял перед военкоматом, крепко держа Аленку за... В общем, пониже талии.

– Лысенький ты мой, голубоглазенький, – шептала она, – поосторожнее там.

Сморгнув, Витек провел рукой по голове.

– Где мои волосы?

– Мы вместе с твоей мамой стригли тебя вечером. Я держала тебя, а она стригла. Так твой папа велел. Говорит, в армии все так ходят.

– Поживем – увидим. А мы с тобой любовью-то занимались?

Аленка хихикнула и сообщила, что он ни на что не был годен.

– Твоя мама даже предлагала мне остаться.

– А твоя мама предлагала тебе остаться?

– Нет. Она и так меня ругала за то, что я пришла домой во втором часу.

– Да, в жизни две беды: понос и теща. Извини.

– А почему?

– Теща?

– Нет, понос.

– Дорогая, ты еще так молода, и у тебя все впереди, – он невольно рыгнул ей в лицо и не стал больше извиняться. Не стоит. Пусть она запомнит о нем хоть что-то.

Родители стояли в стороне и не мешали молодым прощаться. В центре небольшого пятачка перед военкоматом – никого. Призывники с родственниками, любимыми и друзьями стояли под деревьями и вели неспешные разговоры.

В основном, гадали, кто куда попадет, просили чаще писать, напутствовали, чтобы лишний раз сыновья не подставляли свои головы.

Капитан, проверявший повестку у Резинкина, когда тот приходил на медкомиссию, вышел на середину небольшой асфальтированной площадки.

– Становись! – зычно скомандовал он, и людская масса пришла в движение.

Взяв старенький рюкзачок, висевший на сучке дерева, Витя набросил его на плечо. Внутри, кроме зубной щетки, пасты и куска мыла, имели место быть еще и обруч домашней колбасы, немного брынзы и котлет.

Аленка прильнула к нему. Их губы соединились. Мир разделился на две половинки – до этой первой в его жизни военной команды и после. Груз расставания навалился на всех, кто пришел провожать своих пацанов.

Подошли проститься мать и отец. Витя обнял отца, поцеловал мать, не скрывающую слез. В последний раз он чмокнул Аленку.

– Не беременей тут без меня.

– Постараюсь, – пролепетала она и смахнула слезу.

Он не очень твердыми шагами заторопился к выстраивающейся шеренге.

Первым стоял широкоплечий – тот, которого Витек приколол и выставил перед комиссией без трусов.

Затесавшись пятым или шестым, Витя замер.

– Все? – спросил сам себя капитан, оглядывая родственников и ища тех, кто, может быть, никак не мог расстаться с близкими. – Вроде все.

Найдя глазами своих, Резинкин стоял в строю и видел, как мать тербит платок, как отец сурово смотрит на него, как Аленка время от времени помахивает маленькой тоненькой ладошкой.

– Безбородов!

– Здесь!

– Солдат, услышав свою фамилию, громко и четко отвечает «я», – просветил капитан.

– Я!

Резинкин пропустил все эту галиматью мимо ушей. Ему бы на ногах устоять. Говорили, будет автобус. Пока до Твери докатят, он немного отойдет от вчерашнего.

– Резинкин!

– Здесь!

– Не здесь, а «я»! – внушил персонально капитан.

– А вы? – не понял Витя.

Призывники дружно заржали.

– Говори «я».

– Вы. То есть я. Я!

– Ногзадерищев!

– Я!

– Надо же, и такие фамилии бывают?! Ни хрена себе!

– Я!

К капитану сзади подошел маленького роста конопатый паренек со здоровенной сумкой в руке и потянул его за рукав.

Офицер отдернул руку и вытаращился на чудо.

– Здесь в армию забирают?

– Фамилия?

– Иванов.

По списку выходило, что Ивановых аж трое.

– Имя?

– Иван.

– Становись в строй.

Таща ношу, Иванов встал в самом конце.

– Решил все два года на своих харчах продержаться? – не удержался капитан, сравнивая габариты сумки и парня.

– Кушать люблю.

– Пора бросать эту вредную привычку.

– В армии совсем не едят? – перепугался Иванов.

– Нет. В армии принимают пищу. Сейчас выходим за ворота и садимся в автобус. Наллево!

Призывники недружно повернулись и потопали за офицером, расселись в автобусе.

Резинкин прилип к стеклу и, не помня себя, махал до тех пор, пока видел мать, отца и Аленку. Потом он откинулся на спинку кресла и скосил глаза на сидящего соседа.

– Здорово, приколист.

Только не это. На него смотрела улыбающаяся ряха.

– Так что там у меня между ног? Член?

– Я сказал «член»? Извини. Скорее сапожный гвоздик.

Витя видел, как под кофтой дернулся здоровый бицепс, и прикрыл голову руками от возможного удара.

– Не бойсь, вша.

– Не боюсь, не боюсь. Ты, наверное, качался на анаболиках?

Мозги у здорового сразу ушли в сторону.

– Ну и что? Ты же видел мои руки, я из тебя дух вышибу одним ударом.

– Тогда твой гвоздик все время повернут на шесть часов.

– Что?! – Крепкая рука скрутила свитер у горла.

– Вы, двое! – Капитан повернулся на шум. – Если не успокоитесь, я позабочусь о том, чтобы вы попали куда подальше.

Здоровый утихомирился.

– А мы и так попали, – слышалось из самого конца.

Резинкин узнал тонкий голос.

– Иван Иванов!

– Я!

– Разговоры!

Все заткнулись и некоторое время ехали молча. Автобус вышел на трассу и набрал скорость. Замелькали березки и осинки. Тяжелые веки закрылись, и Витек провалился в сон.

* * *

Пополнение живо выбиралось из кунга – пассажирской будки, установленной на «КамАЗ», – и под строгим оком покупателя, отобравшего в областном военкомате партию для своей дивизии, строилось в две шеренги рядом с машиной.

– Иванов, быстрее, сумка у тебя меньше не стала. В поезде все слопать не успел, что ли? – Старший лейтенант Кобзев, командир третьей роты отдельного мотострелкового батальона, строил вновь прибывших.

– Кушать люблю, товарищ старший лейтенант.

– Получишь направление в учебку на повара.

Все восемнадцать гавриков стояли в две шеренги и вертели головами по сторонам.

Первое обстоятельство, неприятно поразившее Резинкина, – высокий забор из толстых стальных прутьев, выкрашенный в коричневый цвет. Солнышко еще не успело над оградой подняться и совсем не греет. Ветерок пронизывающий гуляет. Ничего себе утречко.

Стоило ехать на поезде почти сутки, для того чтобы оказаться в какой-то дыре под Самарой да еще наблюдать свободу сквозь заграждение.

Правда, он и не ждал океанского песчаного берега, усыпанного стройными, грудастыми, загорелыми, крепкими телками. Где выбираешь любую и можешь прямо тут же пам-пам-пам-пам. Потом вторую, третью, и работаешь, прямо как заводной.

Резинкин сердцем чувал – будет секс, только без его согласия.

Немного левее, на огромном плацу, строй солдат – человек сто, не меньше, топает по кругу, построившись в колонну по четыре.

Рота приблизилась, и Резинкин услышал, как парень с тремя лычками на погонах громко и отчетливо скомандовал:

– Рота!

Ответом ему прозвучало три мощных удара сапожищами об асфальт.

«Чего это он их топтать заставляет?»

Откуда-то из середины роты раздался нечеловеческий вопль:

– Душары! Че встали, бегом в баню подмываться!

Строй загоготал.

– Разговоры! Рота, стой!

Все солдаты были одеты одинаково, и у Витька все слилось перед глазами. Он не различал лиц. Видел только единообразную зеленую шевелящуюся массу. Парень с лычками развернул строй к себе лицом и картинно стал орать, так как офицеры стояли совсем близко:

– Запомните, умных в армии нет, значит, самый умный тот, кто командует. Еще одна фраза – и завтра состоится военный парад отдельно взятой за жопу роты.

– А если дождь, товарищ сержант? – выдавило чудо из строя.

– Никого нигде не чешет, солдат. Мне по фигу, по мокрому или на сухую. На сухую больше, знаешь, да?

С широкого крыльца по ступенькам двухэтажного зданьяца, напоминавшего небольшой особнячок, спустился офицер с журналом в руках и направился в обход плаца к выстроившемуся пополнению.

Резинкин никак не мог понять, почему он не срезает угол. Ведь через эту здоровую заасфальтированную поляну короче.

Подошедший поздоровался с Кобзевым за руку, правда, после того, как лейтенант, хоть и нечетко, но все же отдал ему честь. Офицер был в чине подполковника. Щеки у него были красными, незлые глаза-щелочки оглядывали новобранцев с неподдельной тоской.

Наблюдая за мужчинами в форме, Резинкин машинально ковырялся в курносом носу и пытался внушить сам себе, что попал в армию. До этого он видел, как отдают честь, только в американских фильмах.

Штатовские актеры делали это резко и торжественно. А наши как-то так запросто. «Здоров – здоров». Получалось, между прочим, и по-жителейски.

Интересно, а если бы лейтенант не приложил пятерню к голове?

– Боец! Сопли оставить дома забыл! – Подполковник рывкнул от души, и Резинкина передернуло. Чего ж так орать-то, не в лесу ведь. – Смирно! – снова рывкнул офицер с красными щеками. Молодые вытянулись. – Вольно, – раскрыв журнал, старший нахмурился. – Кто умеет работать на компьютере, шаг вперед.

Из строя вышел долговязый, что стоял первым.

– На годок заглянули, товарищ?

– Да, так точно.

– «Так точно» вполне достаточно и без «да». Становись сюда, студент, – указательный палец показал направо. – Права у кого есть?

Витек вышел из строя. Покрутившись, с удивлением обнаружил, что стоит один, как и тот, с компьютером.

– Что ж так мало, просил же больше, – недовольно буркнул офицер.

– Одни дегенераты – выбирать не из кого, нормальных-то давно нет, – Кобзев начал вертеть задом, чтоб случайно не трахнули. – И, товарищ полковник...

– Помню, забирай себе. Пусть Стойлохряков мне звякнет насчет выходных.

– Так точно.

– Музыканты, певцы, художники есть?

Никакого движения.

– Все бескультурные? Ничего, культуру привьем армейскую. Будете знать, где право-лево и что такое газон высотой девять целых восемь десятых. У нас тут одна «академия» на всех. Лейтенант, бери с собой, кроме водителя, еще троих, остальные будут здесь на карантине.

– Я ничем не болен, мне обещали, что я стану поваром, – донеслось с конца строя.

– Иванов! – цыкнул Кобзев.

Подполковник невесело усмехнулся.

– Еще как болен, ты только не подозреваешь об этом. По анализу мочи этот диагноз поставить нельзя. А работу на кухне я вам, товарищ солдат, гарантирую.

Резинкин и еще трое снова залезли в кунг. Машина выехала с территории части.

Только через час путешествие закончилось. На обочине дороги Резинкин высмотрел указатель «Чернодырье». Ни фига себе название!

Они снова проехали через КПП и оказались за оградой, отличающейся от предыдущей только цветом. Она была черная.

Четверо новобранцев, одетые, как на подбор, в старые кроссовки и джинсы, выбрались из машины и широко открытыми глазами пожирали обстановку.

Резинкин знал от лейтенанта, что едут они в отдельный батальон, больше он им ничего не сказал.

«У военных, наверное, такое хобби: держать людей в неведении и делать из всего военную тайну. Куда везут? Зачем везут?»

Обстановка очень сильно напоминала ту, в которой они побывали немногим ранее. Только здесь все было как-то ближе, компактнее, меньше.

Вот КПП, вот трехэтажная казарма, подъезд которой выходит чуть ли не на плац, вот штаб – развеивается российский триколор, чуть поодаль виднеется одноэтажное длинное строение, очень похожее на телятник, – столовая.

Да и забор не такой высокий. В ста метрах от КПП дорога, за ней обычное русское село Чернодырье. Только вот откуда такое название?

Из подъезда один за другим начали появляться солдаты в маскировочных халатах с автоматами и штык-ножами.

Быстренько выстроившись в шеренгу, они повернулись и без надрыва побежали колонной к КПП.

Дежурный поспешил открыть ворота, и десяток бойцов, побряхтывая, выбежал за ограду. Все как один из пробегавших смотрели на новобранцев с интересом. Особенно долго глаза задерживались на сумках и рюкзаках прибывших.

– Духи, вешайтесь! – выкрикнул кто-то из середины.

Остальные заржали. Лейтенант в желто-зеленом комбинезоне, бегущий сбоку от колонны, даже и не подумал сделать замечание. На рукаве у него Резинкин разглядел летучую мышь.

– Разведка, – пояснил Кобзев. – Хорош глазеть. Построились в колонну по одному, за мной шагом марш.

Витек был не в понятии, почему бы водителю не довезти их прямо до подъезда казармы. Трудно, что ли? Почему надо идти пешком, когда можно докатиться?

Открыв тяжелую железную дверь, лейтенант вошел на первый этаж, за ним последовали остальные.

В глаза сразу бросился солдат, стоящий рядом с какой-то тумбочкой. Не обращая внимания на отданную ему честь, офицер протопал вместе с пацанами в канцелярию роты.

– Здравия желаю, товарищ капитан.

– Здоров, приехал? – За столом сидел узкоплечий, чуть выше среднего роста мужик лет под тридцать.

– Вот, привез из Твери.

– Давай их по казармам, обед скоро, – зевнув, дал указания капитан.

Троих пацанов, что были с Резинкиным, ввели в одну дверь, а для Вити лейтенант пинком персонально раскрыл фанерную дверку в дальнем углу казармы.

– Эй, безотцовщина химическая, принимай пополнение!

Кобзев взял Витю за шиворот и, слегка поддав коленом под зад, втокнул в кубрик, захлопнув за ним дверь.

Узкий проход от двери до промежутка между окнами и два ряда двухъярусных коек встретили посланца земли Тверской. В полумраке кубрика висел спертый духан ваксы и пота.

Большинство кроватей заправлено. На одном из двух подоконников одиноко стоит старый глиняный горшочек с кусочком неизвестно как еще живущей зелени. Почти цветок.

– Э-э! – раздалось хриплое и протяжное откуда-то слева. Под одним из синих одеял кто-то зашевелился.

Резинкин подумал, что человек болен и поэтому не на службе.

– Э-э! Ну ты чего там встал, дерево, иди сюда.

– Сам дерево, – робко ответил Витя.

Хриплый одинокий смех стал летать от стены к стене, к нему присоединился еще чей-то низкий голос, потом раздался слабый смешок, и все затихло.

– Ты там не хихикай, шуршания не слышу, – продолжал невидимый под одеялом. Другой невидимый начал в натуре шуршать, и вскоре задом к Резинкину на центральный проход на карачках выполз солдат в штанах, белой нательной рубашке и сланцах. Тельник был испачкан грязевыми разводами в нескольких местах на спине, от чего впечатление не становилось лучше. Он интенсивно мел пол чем-то маленьким. Приглядевшись, Резинкин увидел в руке, покрытой фурункулами, зубную щетку.

Его пробил пот.

«Дурдом», – было первое слово, пришедшее на ум.

Вслед за шуршащим солдатом из-за коек, топя начищенными сапогами по блестящему деревянному полу, на арену вышел мордатый, румяный сержант. Туго натянутый китель облегал объемную грудную клетку, ремень опоясывал плотную тушу.

Глядя на пышущего здоровьем сержанта, Резинкин не мог себе представить, что обитатели казармы ведут несправедливый образ жизни. Потом он взглянул на убирающегося солдата и засомневался в собственных выводах.

– Ты по-русски понимаешь? – Во рту сержанта гуляла жвачка.

Витя молчал. Сержант подошел вплотную. Он оказался на полголовы выше. Из рта размордевшего юноши пахло мятой.

– Рюкзак сюда.

Резинкин покраснел от злости и вцепился в лямки, не собираясь расставаться с собственным добром.

– Э-э! Э-э-э! Батрак, я долго буду ждать?

Удар в солнечное сплетение локтем оказался неожиданным и сильным. Забыв, как дышать, Витя стал оседать вниз. Поддев ногой табурет, сержант успел подставить опору новичку под зад, прежде чем он рухнул на пол.

– Никогда не спорь со мной.

Рюкзак! Его рюкзак унесли!

Пока он хватал ртом воздух, из угла доносился хриплый, вялый голос невидимки.

– Колбаску в тумбочку. В мою, дебил. Мыло – говно, паста – говно, бритва – говно, лезвия – говно. Мыльно-рыльные отдай. Э-э-э, ну ты, иди сюда.

Витек от такого гостеприимства оторопел. Встал с табурета и, шатаясь, пошел на голос.

На кровати, закутавшись под подбородок, лежала бледная рожа, покрытая мелкими язвочками, со здоровым синяком под заплывшим глазом.

– Два года назад и я был таким, – закатив неповрежденный глаз от нахлынувших воспоминаний, протянула рожка.

– Батрак, поздравь товарища с прибытием.

Сержант, сидевший на противоположной кровати, нанес удар Витьку сапогом по голени. От резкой боли Резинкин упал на колени.

– Кирзовые сапоги нам здесь для этого выдают, – прокомментировал тип с фингалом и тихо захихикал. – Как тебя зовут?

– Витя, – промычал новобранец. – Виктор Резинкин.

– Ты кто, Резина?

– Я водитель.

– Садись рядом с сержантом.

Морщась от боли, Витя осторожно сел. На этот раз локоть соседа влетел ему в ухо.

Солдатик как шуршал зубной щеткой, так и шуршал с увлечением. Не останавливался. Видно, понравилось.

– Ты еще не знаешь, почему сержант тебя ударил, а я скажу. Ты не водитель, ты запах¹. Ты даже не дух. Твоя присяга еще не скоро. В наряды ты ходить не будешь до присяги, будешь тащиться от службы. Жрать и спать.

Шуршащий воин снова запищал, обозначая смешок.

– Мое имя Константин, – голос из-под одеяла стал торжественным, – фамилия Кирпичев, а рядом с тобой сидит твой самый главный командир – сержант Евгений Батраков. И не держись ты за голову, тебе же не больно, я знаю. Вот это было больно, – и из-под одеяла показался толстый палец. Дотронувшись до подбитого глаза, Костя стиснул зубы.

В казарму вбежал ефрейтор в зеленой фуфайке нараспашку. Резинкин не знал, радоваться ли появлению еще одного человека. Он мечтал только, чтобы все, что произошло с ним только что, стало как можно дальше по времени от настоящего.

– Женя, пошли в парк, – худощавый, комплекцией походивший на Резинкина, ефрейтор запыхался. – Ты кто? Запах? – На человека, сидящего в джинсах, кроссовках и синей болоньевой куртке, надетой поверх серого свитера, в казарме не обратить внимания нельзя. Хотя бы потому, что все те, кто не в форме, напоминают о свободе, а это раздражает. Очень.

– Петрусь, кто тебе сказал? – Батраков не собирался подниматься.

– Начштаба. Если мы не запустим к завтрашнему утру «МиГ-15», нам п...да.

– Пошли, Резина, служба начинается, – Батраков встал сам и поднял за шиворот куртки охреневшего от гостеприимства Резинкина.

– Авиационный керосин привезли? – Женя незаметно подмигнул ефрейтору Петрушевскому.

– Полно, уже заправили.

Сержант Батраков обнял за шею Резинкина и легонько сжал.

– Ты когда-нибудь летал на истребителе?

После того как ему настучали по голове и остальным частям тела, Витя не знал, какой ответ правильный. Он боялся, что если скажет «нет», его снова начнут бить. Физически он слабее сержанта, да тому в любом случае помог бы Кирпичев.

Куда делись его бойцовские качества? Он же дрался почти регулярно у себя в поселке.

– А как же, «МиГ-15» – любимая модель, – Витек улыбнулся.

Здоровый кулак влетел в корпус. Боль спалила предохранители, и Витя отвесил полукрюк с левой.

Батраков отошел на пару шагов, схватившись рукой за щеку.

¹ Запах – солдат до присяги.

– Ну ты и дурак, парень, ну ты и дурак, – Кирпичев ради такого дела сел на кровати и стал качать головой, освещая полумрак своим фингалом. – Батрак, идите в парк. Не хватало, чтобы к нам Холодец пожаловал. Будет ночь – будет праздник.

Сержант заставил себя остыть.

– Зря ты руками-то машешь, тебя учат жизни, а ты не понимаешь. Будешь пилотом-испытателем. Полетишь вместе с ефрейтором Петрушевским. Теперь точно.

Петрусь подошел к новобранцу и поинтересовался, сколько у него летных часов.

– Я водитель.

– Станешь летчиком, – хитрющая рожа скалилась. – Не бойся, там есть катапульта.

– Я не умею.

– Вы задолбали! – Кирпичев выказал свое равнодушие к происходящему. – В парк, бегом!

Трое орлов, перешагнув через подметающего полы зубной щеткой солдата, вышли из кубрика. Батраков бросил на ходу, глядя под ноги:

– Баба Варя, нам два котелка хавки в парк, к двум дня. Чай, хлеб, масло.

– Где ж в обед масло? – возмутились низы.

– Рожай.

Солдаты шли друг за другом по раскисшей обочине проселочной дороги. Под ногами хлопала каша из снега и грязи. На кирзачи быстро налипло всякое дерьмо, но служивые, не обращая на это внимания, живо шли в неведомую для Резинкина сторону. Он заставил себя не думать о промокших ногах и всю дорогу старался не отставать.

Когда вдалеке показалась техника, стоящая за забором из колючей проволоки, и железобетонные боксы, Витек вздохнул – никакого аэродрома, никаких истребителей.

Но сомнения не оставляли его до самого последнего момента. А вдруг...

Солдат, стоящий на воротах, вяло открыл калитку изнутри и впустил водителей-механиков на охраняемую территорию.

Прапорщик Евздрихин, отличавшийся такой широтой ума, что способен был генерировать новые «крылатые» выражения пачками в день, слушая которые солдаты смеялись до колик, стоял в яме в третьем боксе под сто тридцать первым «ЗИЛом». Увидев две пары грязных сапог и кроссовки, Петр Петрович медленно вылез на поверхность и посмотрел на новенького, затем на Батракова.

– Здоров, – маленький усатый мужичок в промасленном черном комбинезоне пожал всем руки. – Как зовут?

– Виктор.

– Вот и познакомились. Выдающийся у тебя, Витя, фонарь. – Сержант насупился. – Главное, я знаю, как дело было, – прапорщику доставляло удовольствие просмаковать момент. – Вначале у Витька распухло ухо от того, что он, будучи неопытным бойцом, неудачно закрыл дверь в кубрик и прижал слуховой орган, потом ты решил отметить данное событие дневным бритьем, порезался, дернул ногой и задел пошевелившийся косяк, после чего на тебя упала раковина умывальника, немного повредив скулу. Да-а-а, мужики, чего только в жизни не бывает. Я охотно вам верю, а вот майор Холодец засомневается. Скажет, сначала водку пьянствуете, потом ходите красные, как огурцы. У вас Кикимор уже поймел несчастный случай. Или случай поймел его, это как рассудить. Как у дедушки здоровье?

– Ничего, на поправку пошел, – ефрейтор поспешил выдать справку по истории болезни Кирпичева, – хорошо кушает, ночью не стонет, смотрит у соседей в третьей роте телевизор, временами понимает, что по нему показывают.

Пока шел треп, Витек смотрел на огромный кувшин, стоящий на шасси «ЗИЛа». Открытое горлышко кувшина было направлено прямо на него.

– Пацан, рот закрой – мухи нагадят. Это двигатель с «МиГ-15». Используется для дезактивации зараженной техники потоком горячего воздуха. Пару лет его никто не запускал. Гул от него страшный и керосин жрет бочками. Дорогой аттракцион. Нам в нем ковыряться не велено, наше дело механизмы попроще. Машину водил на гражданке?

Резинкин зыркнул на солдат исподлюбья.

– Немного, – осторожно прогундел он. Знали бы они, на что он на самом деле способен. Но тут, пожалуй, лучше не высовываться.

– Что первым делом должен сделать уважающий себя водитель, если у него заглох двигатель?

– Пойти отлить.

– Толк будет, – одобрил прапорщик. – Хорошо. Вчетвером лучше, чем втроем. И не думайте, парни, о бабах, баба в армии не помощник. Наша с вами задача перекинуть двигатель вон с того «ЗИЛа», – грязный большой палец покивал на соседнюю машину, – на этот. В восемь утра эта телега должна тронуться с места. И сделать это надо не как лучше, а именно так, как положено. Иначе в местной аптеке случится большая выручка.

– Чего? – Петрушевский затаился. Харя его вытянулась, тонкие губы стали одной прямой полоской.

– Вазелин придется закупать, чтоб не больно было. И с вами я, случись беда, не поделюсь. Будете терпеть жестокое проникновение, – прапорщик в первый раз за все время хмыкнул. – Вперед, химики.

Резинкин стиснул зубы и со своим мнением вперед не лез. Ухо у него болело, но по сравнению со страхом перед первой ночью в казарме боль от удара казалась мелким неудобством.

Он помогал как мог. Старался делать все так, как ему велели.

Рядовой Бабочкин принес еду в пять минут третьего, чем очень рассердил товарища сержанта, но при прапорщике тот ограничился лишь незаметным тычком под ребро.

Обед из перловки и кильки показался Витьке вкуснее маминых щей. Ему даже в голову не приходило, что жратвой его могут обделить. А вот масло хавали только товарищ прапорщик и товарищ сержант. Причем сержант угостил прапорщика, а не наоборот. Интересно.

– Когда же у нас начнут человеческие яйца давать? – мечтательно произнес прапор, заглатывая бутерброд с маслом. Витек аж поперхнулся, представив себе такую перспективу.

Маленький, бледненький солдатик дождался, пока хлопцы порубают, и отправился с пустыми котелками в обратный путь. А механики продолжили свою работу.

Глава 2 ЮРИЙ

К военкомату подъехали всем кланом на старенькой черной «девятке». Машинешку папа приобрел за тысячу долларов у более состоятельного друга детства около года назад.

Показав дежурному капитану повестку, Мудрецкий получил подробный инструктаж – на какой этаж подняться, по какому коридору пройти и в какую дверь стучать.

Папа ломанулся впереди сына. Мама только покачала головой.

– Лейтенант! – крикнул дежурный в микрофон, и динамики, установленные в коридоре, загудели.

Мудрецкий повернулся только после второго обращения. Он не допускал и мысли, что это к нему.

Капитан поманил его рукой. Через стекло Юра видел, как шевельнулись губы: «Иди сюда».

Отключив внешнюю связь, капитан наклонился к окошку.

– Зачем родителей привел?

– Они сами.

– Пап и мам больше нет. Чем быстрее ты это поймешь, тем легче будет дальше. Иди.

Пока поднимались по лестнице, папа успел дважды споткнуться и испачкать обе брючины.

Подшли к обшитой деревянными рейками двери, на которой значилось: «Майор Лихой А.В.».

– Сюда, – подтвердил сын.

Папа в неврастеническом порыве схватился за ручку и рванул ее. Собственную голову он убрать не успел.

Мудрецкие вошли в кабинет без стука, если не считать звона папиного калганчика.

Хозяин сидел за столом, пил чаек из белой чашечки изящного фарфора. Посмотрев на визитеров, майор поставил чашку, погладил лысину, поскреб гладко выбритую щеку.

Само собой получилось так, что папа, мама и сын построились в шеренгу перед работником военкомата.

– Здравствуйте, – вежливо и тихо поздоровался папа.

– Здравствуйте, – вежливо и тихо поздоровалась мама.

– Здра-се, – пыхнул Юра.

– Доброе утро, – улыбнулся Лихой. – По какому вопросу?

Можно и не спрашивать, все на лицах написано. Но разговаривать-то надо. Люди встревожены, ясное дело.

– У моего сына зрение минус три и язва! – выкрикнул в лицо майору раскрасневшийся папа.

Лихой посмотрел в свою чашку. К сожалению, чай кончился.

– Простите, я не понял, язва на глазу?

– Он издевается! – не выдержала и взвизгнула мама, после чего ее затрясло и пришлось сесть на стул, дабы легче перенести накатившую на нее стадию бабьего рева, замешанную на волнении.

– Прекратите над нами глумиться! – забасил растянута папа. – Я отдал жизнь, работая на Родину! Вы не имеете права забирать у нас единственного сына!

Майор снова спокойно прочесал блестящую лысину.

– Отдали жизнь? Тогда почему вы до сих пор живы?

– Я буду жаловаться на вас!

Мама, сидя на стуле, заревела еще громче.

Лихой причмокнул.

– Да. Тяжелое утро. Господа и дамы, вы вообще ко мне по какому вопросу?

– Мне пришла повестка, – сделал шаг вперед Юра, протягивая бумажку.

– А-а-а-а. Случается. Это не ко мне. Дверь напротив.

Папа потух, мама перестала реветь.

– Извините, – промямлил Юра.

Они вышли из кабинета и подошли к противоположной двери. Вроде такая же табличка «Майор Лихой С.В.».

Папа снова словил дверь по башке.

– Да что у них тут, – возмутился он, перешагивая очередной порог. – Не военкомат, а камера пыток.

– Снова вы? – не поняла мама, глядя на майора.

– Дорогая, они близнецы.

Второй Лихой не пил чаев. Он чах над бумагами, освещая комнату блестящей плешью.

Мудрецкие снова построились.

– Вы не имеете права! – поставил записанную еще дома пластинку Мудрецкий-старший.

– Имею, – растянуто ответил Лихой С.В. И поднял голову. Оглядев шеренгу, точно такой же мужик, как и напротив, почесал лысину. Жест не новый. – Ну, и кому из вас пришла повестка?

Юра хотел отдать ему бумагу.

– Ничего не отдавай им! – воскликнул папа. – Я хочу поговорить с самым командиром!

Майор насупил густые и короткие черные брови и посмотрел на интеллигентного вида мужика искоса.

– Самый командир сидит этажом выше. Как подниметесь, налево. Полковник Береста Петр Леонидович. Поднимайтесь, я позвоню его секретарше, она вас встретит. Фамилию скажите свою...

Мудрецкие ответили почти хором.

Поднимаясь выше, папа подбадривал сам себя:

– Сейчас разберемся, сейчас все на место поставим. Не волнуйтесь.

– Ты тоже не волнуйся, – попросила мама.

– Не буду, – заверил папа и снова споткнулся. – Как тут вообще строили. Армейские дубы. Все лестницы не по ГОСТу. Ворье.

Толстенький мордатый полковник внимательно прочитал повестку. Прошелся по густым усам и пристально посмотрел на Мудрецкого-младшего поверх очков.

– Да, все верно, орфографических ошибок нет. Так что вас не устраивает?

– У него язва и плохое зрение.

Полковник изобразил на лице мудрость.

– Вот и хорошо. Поедет лечиться. Ведь в армии нет болезней, только служба. Вашему сыну хватит зарплаты лейтенанта на морковь, кефир и водку. Не могу понять, что вас так волнует.

Папа затряс головой и полез во внутренний карман. Юра с матерью глядели на все это круглыми глазами.

– Здесь пятнадцать тысяч, – папа положил на стол тысячные. – Я в армии не служил и сына вам не хочу отдавать.

Кто бы мог подумать, что их папа решится на дачу взятки!

Береста изменился в лице.

– Присаживайтесь, – он накрыл деньги листом чистой бумаги, так и не прикоснувшись к ним. – Извините меня за мои военные шуточки. Старый солдафон.

Почувствовав перемену в настроении комиссара, папа заулыбался, усаживая на мягкие стульчики жену. Устроился сам.

Юра уже про себя обещал вернуть отцу деньги при первой же возможности. Частями, крохами, но отдать.

– Когда вам... – полковник заглянул в повестку, – ...Юрий Борисович, принесли повестку?

– Вчера вечером.

– Да ты садись, не стой.

Несостоявшийся аспирант сел.

– Ваш вопрос, конечно, можно решить, – улыбнувшись, полковник одной рукой потянулся к бумаге, накрывавшей тоненькую стопочку тысячных, а другой отодвинул ящик стола. Волосатая короткопалая лапка медленно тянулась к сбережениям Мудрецких. Дверь резко открылась, в комнату широкими шагами вошел здоровый, розовощекий, подтянутый полковник.

– Привет, Леонидыч, – забасил он.

Береста отдернул руку и соскочил со своего места так, будто до сего сидел голым задом на еже и терпел.

– Здравствуй, Алексей Маркович, – комиссар вышел из-за стола и поздоровался.

– Заколебался я тут, в вашем Саратове. Проверь вас в хвост и в гриву. Сколько в Самаре снарядил за последний месяц?

– Восемьдесят процентов от плана.

– Не верю ушам своим. Восемьдесят! – горлопанил полковник. – Все бумагу марашь, – он пальцем показал на листочек бумаги, прикрывавший деньги.

Маму зашкалило, а папу закоротило. Юра медленно отекал. Береста вытянул шею, но, когда рука гостя отошла в сторону, отвел взгляд и втянул ее на место.

– С родителями беседеешь? Проблемы какие-нибудь у вас?

– Нет, – мотнул головой Юра.

– Нет-нет, – подтвердила мама.

– Нет-нет-нет, – довел папа.

– А чего ж сидите? Рабочее время у товарища полковника, дорогие граждане, отнимаете.

Он улыбался и басил, басил и улыбался. Он излучал здоровье и уверенность, прямопу и жесткость, силу и власть.

– Да вот, рассказываю родителям призывника, в каких условиях в Приволжском военном округе служат молодые офицеры.

– «Пиджак»? Ничего, парень, пару лет послужишь. Жизнь узнаешь. На гражданке тоже сгодится военная наука. Кто по специальности?

– Микробиолог, – специальность-то свою Юра знал.

– Я таких военных специальностей не знаю.

– А-а-а, – догадался Мудрецкий. – Химик.

– Зарин-зоманыч. Хорошо. С компьютером обращаться умеешь?

– Умею.

– Давай, Леонидыч, его повестку. Вроде не дурак, а?

Папа хотел было привстать и открыть рот, но мама удержала его. Да и Береста красноречиво вытарачил глаза, одновременно отдавая бумажку гостю.

– Запоминай, – бросил Мудрецкому пришлый полковник. – В Самаре зайдешь к генералу Щеголеву, скажешь, что от полковника Баринаова, покажешь ему эту повестку. Все будет

нормально у тебя. Родители, не волнуйтесь. Есть хорошее место. Нужен головастый «пиджак». Служить в Самаре будет в тепле и сухости. Памперсы не понадобятся. Женат?

– Уже нет.

– Ничего, другую найдешь. На Волге девчонки красивые. Держи, – он отдал повестку Мудрецкому. – Я генералу Щеголеву отзвоню. Через неделю чтоб был у него. Ну все, товарищи родители, можете идти. Можете считать, что вашему сыну повезло, теплых мест мало. А тупого блатного сажать я не хочу. Все, до свидания.

Папа поднялся с вытаращенными глазами. Деньги остаются на столе, а им «до свидания». Мало того, что сына практически рекрутировали, так еще и деньги здесь оставить?

Береста не растерялся.

– Леночка! – крикнул он секретарше.

Вошла герл. Когда Юра проходил мимо кудрявой черноволосой модели, сидящей за столом, он видел только военную рубашечку с погонами старшего прапорщика. Но он, и не он один, а еще и папа, и полковник никогда не видели настолько коротких юбок военного образца и ультраатлетических ножек в черненьких чулочках.

Все мужики на мгновение выпали из ситуации. Только комиссару эти прелести не в диковинку. Мама смотрела на девку, как на сумасшедшую. Это надо же – ходить на работе, в военкомате, скорее не в мини, а в зеленой оборочке для трусов. Береста подошел и положил маме в сумочку деньги.

– Леночка, два чая, пожалуйста.

Прозевавший момент возврата средств папа бодался с мамой на пороге, пока она на ухо не сообщила ему, что деньги у нее. Только теперь он попрощался и вышел. Последним от военкома выбрался опущенный по всем пунктам Юра. А ведь все могло закончиться через какую-то минуту. Полковника устраивала сумма. Береста был готов. А теперь его ждет в Самаре генерал. Все. Все. Все, ему надо идти служить! Ну почему так все плохо?! Теперь никуда не денешься.

* * *

– Мужчина, перестаньте стоять в проходе, пройдите целиком на свое место, иначе я всех пассажиров разом не обойду.

– Конечно, – согласился Юра, производя обмеры таза. – Вы всех нас сразу не обойдете.

Отец уговорил его купить билет в купе и не тереться в плацкарте. «Все ж офицером едешь служить. Доберись с удобствами».

– Не подскажите, где моя дверь? Они все одинаковые.

– Пить надо меньше, тогда и цифры в голове останутся.

– Цифры остались, «ЗВ» место у меня. Седьмой вагон.

Проводница отгеснила его и открыла дверь.

– Заходите, вам сюда.

Он протиснулся мимо нее в комнатку.

«Вроде без приключений должны доехать. Мамаша с двумя детишками, робко сидящими у окошка слева, и старый, бородатый, сгорбленный дед с другой стороны. Пить они не будут».

Да уж, какое удовольствие ехать с кутилами. Он раз попал. Никаких приятных воспоминаний. Пьяных нет, и ладно.

Дети, оба мальчики, словно из одного инкубатора, хлопали на вновь вошедшего совершенно одинаковыми глазами. Что-то часто ему в последнее время близнецы встречаются.

– Ой, дяденька, а у вас нос красный, – нисколько не смущаясь, сказал один из клонированных, протягивая вперед измазанный зеленой указательный палец с обгрызленным ногтем.

– Юра, как ты можешь? – возмутилась мать, слегка оторвавшись от журнала «Лиза». Если бы подобных реплик не требовали правила приличия, она бы и не подумала отвлекаться на такие мелочи.

Вот дед несколько не побеспокоился по поводу того, что его внуки оскорбили незнакомого взрослого. Он невозмутимо развернул карамельку «Дюшес» и, старательно прицелясь, забросил ее в рот. Конфета загремела о голые десны.

– А меня тоже зовут Юра, – попробовал войти в контакт Мудрецкий, подходя ближе к пацанам и глядя на того, что секунду назад указывал на него пальцем.

– Я не Юра, это он Юра. Мама опять перепутала.

Женщина на этот раз не соизволила оторваться от интересной статьи, чтобы пояснить, кого из ее детей как зовут. Вполне возможно, что это журнал ее так увлек, но Мудрецкий заметил, как лицо ее немного покраснело. Не вдаваясь в подробности, Юра присел рядом. Какая к черту разница, кто из них кто. Была бы на то его, Мудрецкого, воля, он бы вообще всех близнецов одним именем называл.

Не успел он сесть, как тут же вскочил. На сиденье было что-то мягкое, и это что-то шевелилось.

Юра-старший обернулся и увидел белую крысу, страдающую ожирением и отсутствием целых, не подпаленных усов.

– Ты ее раздавил! – на два голоса вскрикнули близнецы. Один очень натурально изобразил обморок, а второй, схватив животное за хвост и бросив его на стол, принялся делать искусственное дыхание.

Крыса с обреченным видом лежала, лишь изредка, в особо болезненные моменты вздрагивая лапками. По-видимому, она привыкла к подобным процедурам и понимала, что сопротивление бесполезно.

– Я чувствую, у нее перелом бедра и предшоковое состояние, – возмущался «доктор». – Кто возместит ей моральный и материальный ущерб?

Мудрецкий с тоской посмотрел на взрослых, ожидая поддержки с их стороны. Поддержка заставляла себя ждать.

– Думаю, я смогу найти для нее лекарство.

Юра понял, что ситуацию нужно разгладить самому. Перед отъездом мама положила ему в сумку пирожки, приготовленные с любовью и с капустой. В эту трудную минуту только они могли помочь Мудрецкому. Он достал ароматно пахнущий сверток и развернул. Возлежащему без чувств, «в глубоком обмороке» близнецу мгновенно стало лучше. Он смог довольно живо сесть и вперить взгляд свой в пирожки.

В это время Юра-старший отломил небольшой кусочек и дал его благодарной крысе, которую не мешало бы посадить на диету.

– Между прочим, я тоже подвергся моральному ущербу, – высказался вышедший из летаргического сна.

– А я сколько нервничал, возвращая крысу к жизни, – вставил второй близнец.

Мудрецкий от природы не был эгоистом, хоть и рос единственным ребенком в семье. Он раздал три пирожка троим пострадавшим. Ничего, ему оставалось еще два.

Тут он поднял глаза и увидел напряженный взгляд деда, судорожно сглатывающего, отчего борода тряслась, словно старик был под напряжением.

– Хотите? – предложил Юра взрослым.

Дед с охотой воткнул вставную челюсть в рот и, сказав «спасибо», зашамкал. И мать близнецов тоже не отказалась. Юра с тоской взглянул на пустой пакет, вздохнул. Остается только спать.

– Я немного подшофе, извините, – Юра встал. – Я сейчас постелюсь, и вы меня не услышите до завтрашнего утра, – но постель еще не принесли и пришлось сесть на место. Он чув-

ствовал себя неловко. Чем скорее уснет, тем лучше. Поезд прибывает в шесть утра. Сейчас он отключится, только в туалет бы зайти. И когда только кончится эта санитарная зона?

...Юра спал. Шикарных проводов не закатывали. Просто с батьком наклюкались. А Верочка с матерью почесали языки. Все бы хорошо, если б не служить. Сквозь сон он чувствовал под собою возню, но не мог понять причину происходящего. Вот снова дверь в купе открылась. Встревоженные женские голоса. Кажется, спрашивают какие-то таблетки. Дети. Он едет с детьми. Что-то случилось. Мудрецкий заставил себя проснуться.

– Что произошло? – не сразу въехал в суть происходящего Юра, когда мимо него помолодецки пронесся дед, развевая бороду по ветру.

Не обращая внимания ни на кого, он уже по пути расстегнул «молнию», для экономии драгоценного времени, и, измеряя богатырскими шагами купе, вылетел в коридор, руками подерживая болтающиеся штаны. Близнецы были в отпаде в прямом смысле слова: оба валялись на нижней полке и старались утрамбовать поглубже вырывающийся наружу смех. Один из них, правда, не забывал прикрывать ногой от изумленной матери черную коробочку, валяющуюся на полу. Что-то знакомое для Мудрецкого промелькнуло в чертах этой вещицы.

– Мои препараты! – возмущенно воскликнул он.

Близнецам взгрустнулось. Теперь мама поймет, в чем причина несчастья, случившегося с дедом. Родительница позеленела, потом побледнела, под конец стала вообще неопределенного цвета.

– Какие препараты? – с трудом выдавила она.

Интеллигент в душе Юры не позволил ему оставлять в подобном состоянии сине-зеленую женщину. Мудрецкий успокоил ее, сказав, что препараты не опасны, всего-то несколько видов микроорганизмов.

– Они могут вызвать только тошноту и, пардон, мадам, жидкий стул, – завершил он свой рассказ жизнеутверждающим тоном.

Близнецы в восторге захохотали.

– А вот у тех, кто препараты брал в руки, может кожа с пальцев облезть.

Мудрецкий довольно посмотрел на притихших мальчишек и встал со своего места. Дверь открылась, появился дед с блаженной рожей. Сесть он не успел. Схватившись за рот и икая от очередных позывов рвоты, старикан рванул обратно.

* * *

В штабе округа он быстро нашел генерала Щеголева. Генерал, мужик лет сорока, с серьезным видом читал какую-то депешу, когда Мудрецкий вошел в его кабинет.

– А-а-а, Мудрецкий, – генерал знал, кто перед ним, благодаря адъютанту. – Мне насчет вас звонили. Причем два раза, – толстые волосатые пальцы медленно перевернули изучавшуюся только что бумагу текстом к столу.

– Мне говорили, что нужен кто-то, владеющий компьютером.

– Армия нуждается в талантах. Садись, не стой.

Мудрецкий сел.

Генерал принялся.

– Прямо с поезда?

– Да.

– Чем они сейчас вагоны обрабатывают? Такая дрянь. Извини, но от тебя до сих пор несет. Когда в Чернодырье поедешь, купи одеколон. В дороге сойдет, а там помоешься.

– Куда?...

– Место, которое тебе обещали, извини, занято.

Мудрецкий раскис.

- Как же так, товарищ генерал?
- Так. Кто-то не любит тебя в Саратове. Очень. Уж извини.

Глава 3

ФРОЛ

Областной военкомат встретил призывников, прибывших на автобусе, узкой серой дверью КПП и расхлябанным сержантом-контрактником, стоящим на посту «номер один» – у забора, выстроенного из бетонных плит.

Начищенная медная бляха болталась у военнослужащего в районе начала бедер, что на армейском языке должно было означать, что перец он жуткий и лишний раз задевать его не следует.

Фролу сержант понравился. Пятнистая кепка на затылке, черный чуб торчит вперед и вбок, сигарка во рту пляшет туда-сюда, взгляд свысока на прибывших проходить службу в рядах ВС РФ. Он и сам бы не отказался вот так стоять и курить, пренебрежительно разглядывая салаг.

Сопровождавший призывников суровый майор, проходя мимо, потребовал от военнослужащего привести себя в порядок.

– Пряжку с яиц!

Сержант дернулся, согнал с физиономии высокомерие и принялся поправлять форму.

Фрол злорадствовал про себя:

«Хе-хе, нечего на нас пялиться, как на сынов».

После КПП начался форменный беспредел, во всяком случае, так воспринял происходящее Фрол. От него потребовали, чтобы он раскрыл сумку, где, кроме еды на двое суток и средств гигиены, ничего не было.

Искали колющие и режущие предметы. Проносить на территорию военкомата разрешалось только лезвия для бритвенных станков.

Из сумки забрали складной ножик.

– А...

– И поменьше глупостей говорите, враги могут услышать. В карманах что? – С ним общался молодой офицер.

Валетов поспешил заверить, что ничего.

– Проходи.

Новенькие вошли в одну-единственную, постоянно обновляющуюся первую роту.

Призывники поднимались по лестнице вслед за старшим лейтенантом, чья широкая спина загораживала практически весь проход.

На втором этаже офицер остановился.

– Становись, – шепотом произнес он.

Небольшая разношерстная кучка замерла. Задние навалились на тех, кто оказался рядом с лейтенантом, образовалась небольшая пробка. Кто-то неуклюже топнул по полу, и звук разлетелся по длинному коридору.

– Тихо. В школе на физкультуре не строились? – продолжал шептать лейтенант.

– Строились, – ответил пацан, оказавшийся бок о бок с Фролом.

– Говорить надо шепотом.

Народ рассосался в шеренгу.

– Раз, два, маленький восьмой. Маленький, как фамилия?

– Валетов.

– В карты играешь?

– Немного.

– Ну-ну. Я ваш командир роты, старший лейтенант Гудин. Сейчас я покажу вам помещение, где вы будете жить. Кто-то уедет в часть уже сегодня, кто-то задержится. Здесь как карта ляжет, – командир подмигнул Валетову и ехидно улыбнулся. – Сейчас осторожно подкрадываемся вон к той двери.

– А зачем? – спросил кто-то за спиной Фрола.

– Призывник, отставить свои философские вопросы. Думать и соображать за вас будет командование. Мы уже над этим работаем.

Юноши, как идиоты, не дыша, шли на цыпочках. Возглавлял поход старший лейтенант, широко растопырив руки и картинно ступая по полу на носочках.

Наконец он схватился за круглую ручку. Петли взвизгнули, офицер исчез.

За ним вошел Фрол.

Длинное помещение. Посередине коридор. С двух сторон койки в два яруса, обитые дерматином. На топчанах томилось несколько десятков пацанов.

Валетов с удовольствием заметил, как при появлении офицера в дальних углах поспешили убрать карточные колоды.

– Э! Граждане Российской Федерации, я один раз уже предупреждал. Икс, Игрек, Зет, вы не ощущаете на себе моей чуткой заботы о вашем настоящем?! Построились!

Народ медленно рассортировался по ранжиру. Фрол оказался предпоследним. Был еще и пониже его паренек. Вот уж не ожидал.

– Так, тридцать восемь попугаев. Я припоминаю, что слезно просил, умолял не играть больше, – лейтенант подошел к парню в середине. Фрол классифицировал рожу новобранца как бандитскую. – Гражданин Икс, я вас засек. Колоду сюда.

Парень смотался в дальний угол и принес оттуда карты.

Офицер зевнул.

– Молодец. Ну что, народ подчиненный, но не подневольный. Давайте-ка соберем узкий круг ограниченных лиц, разберемся с пристрастием и накажем кого попало. Для любителей азартных игр у меня всегда найдется работа. Икс, Игрек, Зет – шаг вперед. – Хозяин карт и еще двое по бокам вышли из строя. – Через час наблюдаю чистый коридор.

– Подмести? – поинтересовался Икс.

– Вымыть тщательно. И возьмите с собой Дабл Зет, он тоже любит играть.

Фрол с интересом наблюдал за происходящим. Вот влипли. Уже пол мыть. Стремно. Кто это Дабл Зет? Да и такой буквы в латинском алфавите нет.

– Э! Предпоследний, как ты думаешь, что случится с солдатом, если оторвать ему уши?

– Херово ему будет, товарищ командир. Видеть не сможет, потому что каска закроет глаза, – бодро отчеканил он.

– Ответ неверный, товарищ боец. Солдат будет красиво рассказывать о том, как потерял оба уха в неравном бою с чеченскими террористами. Не знаешь правильный ответ, значит, идешь работать. Ну, не грусти. Я должен найти повод. Ты теперь у меня Дабл Зет. Давай с этими тремя приступай к работе.

– За что? – пискнул Фрол.

– Не «за что», а служба Родине, а у нее, как известно, не спрашивают, почему она нас в такую жопу посадила. Привыкайте довольствоваться тем, что есть: пусть дурно пахнет, зато тепло и комары не жужжат. Через полтора часа обед. Грязные полы для вас означают пустые желудки.

Сумки у них отобрали еще на первом этаже и закрыли в комнате. Там копченая колбаса, сардины в масле, банка сгущенки. Хорошо, что тут кормят. Только хавку надо обрабатывать. Неужели на самом деле пожрать не даст, если пол не вымыть?

Фрол пока еще не знал, что не вымыть пол невозможно.

Троица с превеликим удовольствием воззрилась на маленького мальчика с жиденькими русыми волосиками.

Фрол перед службой постригся, впрочем, как и большинство здесь присутствующих. Так коротко он в жизни никогда не обрезал свои вихры. Глядя на себя в зеркало в парикмахерской, похвалил сам себя за верно выбранный стиль на гражданке – волосы длиннее среднего. Короткие стрижки ему не к лицу.

Щетинка длиной в несколько миллиметров придавала физиономии ущербное выражение. С такой рожей в легальном бизнесе делать нечего. Только в кабаках шестерить. А у него был свой бизнес. Был.

Именно как на мальчика для выполнения упражнения с ведром и тряпкой смотрели на Фрола Икс, Игрек и Зет.

Офицер бросил ключ на веревочке Иксу.

– В кладовке, рядом с туалетом, найдете все необходимое. Вперед.

Три козла, радушно лыбясь, протопали мимо него к выходу.

Фрол двинулся следом.

Ребятки в компанию, по сравнению с Валетовым, попались крупненькие.

Икс, хотя и не самый здоровый, но облеченный доверием, отпер дверь кладовки и командовал Фролу:

– Вперед, сынок.

Валетов не стал спорить, он тихо прошел в кладовку, заваленную старыми стульями и отработавшими свое черенками. Нашел там все необходимые инструменты и вышел с этим добром в коридор.

– Мальчик, – похлопал паренька по темечку Зет, – три, и три усердно. У тебя еще пятьдесят семь минут.

Фрол молча поставил все на пол.

– Ты, давай работай, ты! – возмутился Игрек. – Иначе я тебе башку раскрою!

«Какое агрессивное пополнение».

– Мужики, – взмолился Валетов. – Да ну его, лейтенанта. Давайте забухаем за знакомство. Молодые организмы с алкоголем знали. Пить в таком возрасте все еще в диковинку, а потому влечение более чем сильное.

– Давай, работай, – Игрек прекрасно понимал, что он следующий в очереди на полы.

– Погоди, – остановил его Икс. – А у тебя есть?

– Нет, но я могу достать.

– Где ты достанешь? – напер Зет.

Фролу пришлось отступить к стене.

– Бабок много?

– Я не за бабки. У меня тут знакомый.

Упоминание о существующем в военкомате кореше возымело действие. Пацаны замерли.

– Он может свободно выйти за территорию.

Икс глянул на коридор.

– После обеда неплохо было бы накатить.

Напарники поддержали его тихим побряхтыванием и поддакиванием.

– Иди и только попробуй без бухла вернуться.

Валетов не возражал.

Мальчики не знали, что связались с талантливым пареньком. Будучи не в состоянии конкурировать со сверстниками физически, Валетов брал умом. Прямо как Суворов. Подловато иногда получалось, но угрожать физической расправой еще хуже.

Фрол тихо-тихо удалился вдоль по коридору. Спустившись на первый этаж, он вошел в туалет, где и остался. Заготовив на всякий случай сигарету – зайдет кто, а он вроде как курит, – великий комбинатор забрался на подоконник и стал ждать.

Прошел час. Валетов смотрел в окошко и дымил.

«Наверное, коридор уже блестит. Как было бы приятно пройти по нему, подойти к этим дебилам, пошлепать их по щечкам».

Фрол появился в столовой, расположенной на первом же этаже, когда большая часть роты перешла со щей на макароны.

Старший лейтенант Гудин, увидев бритое чудо, быстрыми шагами направился к нему.

Сидящие друг подле друга друзья-товарищи, назначенные ему в компаньоны, перестали жевать.

– Гулял, Дабл Зет?

Фрол потупил глаза.

– Нет, я не гулял.

– А что ты делал, деточка? В туалетике кряхтел?

К лейтенанту подошел прапорщик, по возрасту как раз отец Валетову, в замасленных штанах. Водитель или механик, а скорее, и то и другое. Под носом у него произрастали роскошные рыжие усы. Верхней губы практически видно не было. Чем-то он напоминал старого доброго дядюшку-моржа из мультика.

– Ты его, товарищ лейтенант, сильно не наказывай, – с материнской любовью заступился тот, хищно блеснув в улыбке золотыми зубами из-под зарослей волос.

– Нет, Василич, я ж понимаю.

Оба глядели на Валетова сверху вниз и улыбались, аки агнцы.

Морж провел рукой по густым усищам.

– Видик не покажешь вечером, да и все, – добрый дядька рассмеялся.

– Не надо, зачем так. В здании четыре туалета.

– Ох, и жесток ты, товарищ лейтенант.

– Пока не вымоет, никуда не поедет. А срок службы, товарищ будущий солдат, начинается с момента прибытия в часть.

– За что туалеты! Меня за водкой послали! – имитируя обиду, воскликнул Фрол.

Икс подавился компотом, который медленно дудонил.

– Кто послал?

– Они! – Фрол указал пальцем прямо на кашляющего Икса.

Звездоносцы повернулись к троице. Весь личный состав роты перестал скрывать по тарелкам.

– Не вижу никаких проблем. Чтобы не делить четыре туалета на троих, ты, Дабл Зет, будешь чистить тот, что на первом этаже.

– За что?

– За то, что вложил своих товарищей.

Фрол, проходя мимо стола, где сидела троица, громко прошептал:

– Если еще раз захотите меня поиметь, снова помогу с успокоительными упражнениями.

– Тебе конец.

– Ночью тебе хана.

– Уроем.

Фрол, не оборачиваясь, пошел к раздаче. А про ночь правильно сказали: если их не заберут до вечера, ему придется туго.

Не забрали.

Оставшиеся призывники не занимали и трети коек в казарме.

Завалившись на верхний топчан, на котором ни матраца, ни подушки не было, Валетов накрылся выданным ему армейским синеньким одеялом с беленькими полосочками поперек и замер.

На самом деле пришлось мыть туалет, что весьма утомительно. И очень в падлу, особенно если идешь в первых рядах на такое грязное дело. И чем он не понравился командиру?

Спать не следовало. После просмотра видика, а данная культурная программа оценивалась в десять рублей, Икс ткнул его в спину и пожелал «спокойной ночи».

А смотрели «Крестного отца». Киношка изобиловала изощренными убийствами. Фрол знал шедевр наизусть. Но лучше уж заплатить деньги и сидеть в клубе, чем убирать территорию – это альтернатива для тех, кто не платит за вход.

Эх, если бы у него были такие возможности вести бизнес как у крестного папы, он бы никогда не оказался здесь. На него наехали, а он не смог выкрутиться. Наоборот, влип по уши. Пришлось бежать в армию. Спасать собственную шкуру. Как это стремно.

Шаги. Идут. Фрол повернул голову. Луны в окне достаточно, чтобы рассмотреть приближающихся к нему уродов.

С него резко сдернули одеяло.

Валетов, как и остальные, лежал в одежде. В помещении свежо. Особо закаленных не нашлось. Да и касаться кожей затертого дерматина не так уж и приятно.

Ему тут же врезали по животу.

– Вставай!

Фрол спрыгнул вниз и отошел на несколько шагов.

– Эй, потише. И включите свет.

– Охренел! – рявкнул Икс.

Фрол протянул руку ладонью от себя.

– Хорошо. Надеюсь, и так разглядите.

Он вытащил из кармана пачку банкнот.

– Здесь тысяча долларов десятками. Без обмана и галлюцинаций. Берите, только не бейте.

В казарме никто не спал. Большинство парней никогда не держали в руках такой суммы.

Троица оторопела. Зет пошел и включил свет. Все увидели деньги. Фрол улыбался.

– Берите, только бить не надо.

Никто не решался подойти. Икс стоял, хлопал глазами, наблюдая за пачкой. Руки его безжизненно мотались вдоль туловища.

Штука баксов в кармане у призывника.

– Ты за эти деньги мог бы откупиться, – завистливо пробормотал кто-то из угла.

– Застыл? – Фрол ловко засунул деньги обратно в карман спортивной куртки. – Пацаны, вы меня лучше не доставайте, целее будете. Почему я здесь, это не ваше дело.

Вся рота отекала и замолкла до утра, благодаря чему Фрол смог спокойно выспаться.

– Становись, – командир роты задолбал сегодня построениями. Уже половина из оставшихся ждала отправки. Скоро от роты вообще ничего не останется.

Люди вяло построились на улице, рядом со спортивной площадкой.

– Путинцев, Ветров, Коломеец – девятая команда, – лейтенант взглянул на Икс, Игрек и Зет. – Запомните, раздолбаи, цифру «девять». – Валетов, Казимир, Баграмов, Розанов – одиннадцатая. Разойдись.

К Фролу больше не лезли. Теперь все заискивали перед ним и спешили тактично познакомиться. Он небрежно рассказывал полусказки, поднимая себя в глазах общественности все выше и выше.

Автобус приехал за одиннадцатой командой сразу после полудня. Очень многие поспешили проститься с Фролом за руку, выражая надежду встретиться с ним на службе. До чего же сердечные люди служат в российских войсках!

Офицер, стоя на подножке автобуса, прикрикнул на Валетова:

– Чего застрял! Быстрее, мы опаздываем. Поезд через сорок минут.

Фрол подошел к Иксу – Путинцеву.

– Держи на память, – он отдал ему пачку денег и быстро побежал к автобусу.

– Ах ты, сука! – неслось ему вслед.

Но поезд уходил, и парень, прозванный лейтенантом Иксом, просто для того, чтобы не запоминать его фамилию, ковырял пачку с нарезанными газетными листочками. Туалет Фрол быстро вымыл, осталось время к ночи подготовиться.

Валетов обернулся перед самым автобусом.

– Эй, Путинцев! Верхняя и нижняя десятки фальшивые! Извини!

Он вбегал в новый для себя мир на волне прилива свежих сил, толкая по проходу старенького «Икаруса» прямо перед собой небольшую сумку, в которой уже не было ни колбасы, ни сгущенки, ни сардин. И съел их не он, а те, кто охранял его поклажу пролетевшие сутки.

Черт подери, он готов терять по службе жратву и одежду, готов терпеть боль и работать, если прикажут, но потакать всяким козлам он не будет. Не из того он теста, он вообще не из теста, а из жесткой, слежавшейся пластами породы. Мять ее невозможно, только рвать динамитом на куски с мясом и кровью.

С двенадцати лет у него нет родителей, вместо них – двоюродная сестра и тетка. Им не всегда было до него дело. Ничего. Он сам себя выучил и с четырнадцати лет кормит. Большую часть жизни живет сам по себе, не отчитываясь ни перед кем за совершаемые поступки.

На то она и жизнь, чтобы жить.

Ренат Баграмов мял короткопалой, широкой ладонью лоб. Они с Фролом летели против Казимира и Розанова в «козла» четвертую партию подряд.

Играли тихо, рассевшись за столиком при свете крохотной ручки-фонарика. Приза не было. Просто на интерес.

– Говорят, молодым в армии туго, – Баграмов бросил на стол туза бубей.

– Куда попадешь, – поддержал разговор Розанов, чья голова раскачивалась на длиннющей шее в такт поезду.

– Мы вроде в инженерные войска попали, – Фрол сбросил десятку бубей.

– Брат говорил, что, пока на место не приехали, нечего гадать, – Казимир кинул семерку. К трем ночи Фрол с партнером летели десять-пять.

Махнув рукой, Баграмов отправился курить, объявив, что ему хватит. Фрол тоже взял свои сигареты и пошел в тамбур.

Ренат уже паровозил в открытое окно.

Валетов поджег «Мальборо» бензиновой зажигалкой.

– Прикольная штучка, – обратил внимание Ренат, повернувшись и выпустив дым в вагон.

– Специально купил. Может, пригодится по службе.

– У тебя столько бабок.

– Полно, – Фрол достал из кармана десять долларов, покрутил в руках, так, чтобы собеседник мог разглядеть.

– Дай-ка.

Фрол пожал плечами и выкинул купюру в окно.

– Ты что!

– Брось, – Фрол ухмыльнулся. – Фуфло все. Я наколол этих уродов. Думаешь, у меня на самом деле баксы? Нет. Взял несколько фальшивок с собой. Приколоться. Извини, больше нет. А дергает нервишки, правда?

– Ты тонко играешь, так можно и сорваться.

Фрол не стал ставить в вину Ренату их проигрыш. Был бы у него партнер посмышленее, шансов в «козла» у противников никаких бы не осталось.

– Я так живу, – солидно ответил Фрол, выдувая дым в окно. – А ты стой поближе к воздуху. Душок идет. Тот, кто знает этот запах, может причинить тебе неприятности.

– Травка как травка, – докурив сигаретку, Баграмов выбросил остатки в окошко. – Это тоже последняя. Как я без них дальше в Самаре, не знаю.

Фрол остался один в тамбуре. Он тихонько смолил, размышляя о не случившейся командировке в Самару с наркотиками. Теперь он едет туда служить. В Самаре штаб округа. Наверное, и дедовщина не такая свирепая.

В тамбур вошел сонный сопровождающий, остановился и принялся. Фрол замер с сигаретой в руке.

– Куришь? – прохрипел офицер со сна, задирая тельняшку и почесывая волосатое пузо. Валетов не был идиотом.

– У меня «Мальборо».

– Кому ты рассказываешь о запахе марихуаны, юноша? Давай все сюда. В армии курят только табак. Кстати, у тебя больше нету?

Фрол развел руками.

– У меня ничего нет.

– У тебя нет, – согласился офицер, засовывая руки Фролу под мышки и отрывая его от земли. – Значит, есть у того, кто был здесь с тобой. Кто?

– Я выкурил последнюю, оставшуюся с гражданки, а теперь поставьте меня на место, пожалуйста.

* * *

Капитан Смирнов пил в каптерке чай с жинкиным малиновым вареньем. Под его ногами солдат, стоящий на четвереньках, надраивал полы, что не производило на офицера абсолютно никакого впечатления.

– Давно куришь? Ш-ш-шп, а-а-а, хорошо.

Валетов никак не мог посмотреть лысому мужику в черной кожаной куртке в лицо, все внимание перебивал солдат, ползающий на карачках.

– На меня смотри, а не на жопу военнослужащего.

Фрол посмотрел, но особой разницы не заметил.

«Большой подбородок, маленький лоб – пусть мало мозгов, зато челюсть вперед. Мыслю стихами. Однако».

– Вы же тоже... военнослужащий.

– Хочешь сказать, тоже жопа. Может, ты и прав, – капитан зачерпнул из розетки варенье.

– С десяти лет курю.

– Мои соболезнования.

Солдат из-под стула переместился в другой угол, к железному сейфу, собираясь возюкать вторую полосу.

– Федоров, хватит, ступай в камеру. Дорогу найдешь?

– Найду.

Солдат медленно выпрямился. Лицо вытянутое, отекающее. Разум отсутствует. Шаркая кирзачами, он удалился, оставив ведро с грязной водой и тряпку.

– Он же дебил, – не выдержал Фрол.

– Ну-ну, – усмехнулся Смирнов, проводя пятерней по гладкой голове. – Отличником в школе был.

– Это одно и то же.

– Бери тряпку и продолжай дело товарища, умник.

Нижняя челюсть у Фрола отъехала.

– Чего встал, быстрее, душа твоя наркоманская! Каких только выродков не призывают!

– Не имеете права на губе держать. Я присягу не принимал, суда не было.

Капитан со свистом втянул воздух через большие ноздри.

– А ты не на губе. Ты в том же здании, где находится гауптвахта, но не на губе. Ты теперь, – капитан вертел военный билет Валетова, – в госпитале, в спецотделении для наркоманов. Лекарство одно – трудотерапия, а рецепты на работы выписываю я. Пока мы не убедимся в твоей безопасности для окружающих, в войска ты не попадешь. И, дорогой юноша, не учите меня воспитывать современную молодежь! Тряпку в зубы!!! – «Главврач» гауптвахты побагровел.

Фрол вяло взял замусоленный кусок мешковины.

– В зубы, я сказал!

Валетов невольно выполнил первую стадию требуемой от него процедуры и открыл рот.

– Тряпку в зубы!!! – Смирнов вскочил и стал стучать кулаком по столу.

Фрол высунул язык.

– Так какой, вы говорите, у вас диагноз?

– Сволочь, маленький ублюдок, ты на кого посмел пукнуть? Я же тебя сейчас... – капитан двинулся на Валетова, сжав кулаки.

Призывник попятился.

– Вау! Ну так и быть, – он взмахнул тряпкой, и грязные капли оросили капитана. – Открывайте рот пошире, сейчас засуну вам по самые гланды.

– Да я тебя сейчас, бля, – капитан потянулся, чтобы схватить наглеца за шиворот, но Фрол затараторил:

– Подчиняюсь под угрозой злостной расправы, – он оскалился и зажал тряпку зубами.

Офицер убрал руки.

– Молодец, вот так.

Фрол вынул тряпку.

– Извините, дядя, но я не наркоман. А от тряпки меня тошнит.

– Пол!!! Мыть пол, гнойник!!!

Засунув тряпку в ведро и вытащив ее, он сделал на полу огромную лужу.

– Аккуратнее, как дома. На любом деле надо набить руку, иначе тебе набьют морду. Понимать надо, – глубокомысленно произнес капитан. – Знай, парень, если тебя будет ломать, придет злой доктор и начнет тебе делать болезненные уколы. О доме и не думай. У нас недобор, служат даже те, кто не в состоянии самостоятельно какать.

– Я не наркоман.

– Не отвлекайся.

Фрол стал методично растирать лужу в кабинете начальника гарнизонной гауптвахты.

Допив чай, капитан вышел. Фрол разогнул спину и посмотрел на джинсы. Заляпал. Ладно, полы, значит, помыть, так мы сейчас помоем. Сняв кроссовки, Фрол слегка намочил в ведре свои носки, протер ими капитанский стол и подоконник, отжал их, снова обулся. Душок пошел. Затем расстегнул ширинку и оросил как можно большую площадь.

Когда капитан вернулся, деревянные полы, впитав часть мочи, подсыхали. Сморщившись, он кинул сидящему на стуле Фролу старую форму.

– Ну-ну. Одевайся и пошли, Валетов, работы у меня много. Какая вонь. Чувствуешь, с сортира тянет? Придется навести тебе там идеальный порядок.

Обмундирование сидело мешковато, зато движений не стесняло. Потертые, но не дырявые рукава и колени – лучшей формы для хозработ не придумаешь.

Понуро ковыряясь не будем говорить в чем, Фрол грустил. Как только переступил порог военкомата, так и пошло все одно и то же: мой полы да чисти сортиры.

Знай он наперед, как тут весело, уж договорился бы с гоблинами. Какой же он идиот! Послушался свою сестричку. Конечно, если бы он не смог уладить проблему, тогда крестик над холмиком.

– Эх! – выдохнул он, промывая из ведра гору разномастного добра на дне канала. – Может, и ничего, образуется.

Капитану результат пришелся по душе. Как ни пытался он скрыть свое удовлетворение от увиденного, да так и не смог.

– До плафона как добрался? – Капитан глядел вверх на чистенький белый шарик. Во время последнего ремонта его добросовестно забрызгали побелкой. Теперь он сиял чистотой.

– С пола дотянулся, – отшутился Фрол, забыв, перед кем стоит.

– Ну-ну. Прошу снова ко мне. В кабинете такой духан, что жженой ватой не перебеешь. Надо вымывать по-новому. Будете трудиться на пару с Федоровым. И еще, ссать на пол – не оригинально. Погостишь у меня подольше. Влюбился я в тебя не на шутку.

В камере потушили свет в десять. Федоров Дима оказался малоразговорчивым типом. Он предпочитал сидеть на нижней койке и раскачиваться из стороны в сторону.

Фрол узнал от него, что служит его сосед уже полгода в столовой поваром. На губу попал из-за того, что на него повесили пропажу из холодильника десяти килограммов масла.

– Я не воровал, – еле слышно бормотал Дима, поджав физиономию ладонями. – Не воровал. Это все они, поварахи. А мне не верят, не верят мне, – плотная тушка ходила туда-сюда, словно маятник старинных часов.

Как щека коснулась черной тонкой подушки без наволочки, набитой свалывшейся ватой, утром Фрол вспомнить не мог. Рассветало, хотелось курить. Федоров спал, громко храпя и причмокивая во сне. Дите.

Сержант, который запирает камеру за Фролом накануне, прошел мимо клетки, но тут же развернулся:

– Не спится? На выход. И дружба подымай.

Плотный солдат с лицом «я никогда вам не скажу ничего хорошего» вошел в камеру и с силой пнул двухъярусную койку.

– Подъем, солдат!

Диман со сна подскочил, сел, встал.

– Я! – выкрикнул он, не открывая глаз.

– Работа ждет, – лениво бросил сержант. Он вывел парней наружу и, ткнув лопатой в землю, сказал: – Копать будете, как в том анекдоте – от меня и до завтрака. Приступили.

– Скажи, Фрол, вот почему так происходит? – глубокомысленно спросил Федоров, вгрызаясь орудием труда в землю. – На пачках сигарет пишут «Минздрав предупреждает»... и все такое. А на лопатах где такие надписи?

– На лопатах нет, ты прав. Иначе бы страна на молоке разорилась.

– Почему?

– Так за вредность всю армию пришлось бы поить. Это ж тебе никаких коров не хватит.

До завтрака и после Фрол с «отличником в школе» рыли яму недалеко от губы и госпиталя одновременно. Зачем она нужна, караульный, сидящий невдалеке и присматривающий за арестованными, объяснить не удосужился.

Завтрака, состоящего из перловки, куска черного хлеба и несладкого чая, Фролу хватило только на час работы. Он внезапно ощутил голод. Организм требовал еще. Вспомнилось несладкое времечко, когда ему приходилось питаться ничуть не лучше. Только последние года три жирует, хлеб маслом мажет. Снова придется затянуть пояс.

– Ты откуда родом? – Фрол делал передых после своего захода. Лопата была одна на двоих, что хорошо.

– Астрахань, – Федоров медленно и монотонно выбрасывал землю наверх, обнимая лопату мощными клешнями.

– А я из Чебоксар.

– Жаль.

– Почему?

– Что не из Астрахани.

– Россия большая, – Фрол даже руками развел.

– Я думал, ты мою маму знал...

– Это почему?

– Ее все в Астрахани знают, она врач в детской поликлинике.

Придурок.

– Что ж она тебе санаторий пожизненно не организовала?

– Почему не организовала, организовала. Меня из него и призвали, – словно робот отвечал сокамерник.

– Родине нужны солдаты. Такие, как ты, особенно.

– Да, я тоже так думаю. Мог ведь остаться, но пошел служить.

– Ты сегодня разговорчивый.

– Да, вчера устал очень. Языку покой надо давать. Так мама говорит.

– Молодец у тебя мама.

– Конечно, ее же все знают. Она врач.

– Врач, я помню, ты говорил.

– Я тоже помню.

– Что, что ты помнишь, что я говорил?

– Что она врач... Извини, мне надо копать.

Ковыряться в земле – не самое легкое занятие. Фролу не улыбалось упираться тут рогами до изнеможения. Немного подустав, он стал шевелиться медленнее, потому как неизвестно, до каких пор им тут предстоит торчать. Отличник Федоров не задумывался над столь серьезными вещами, как усталость, и копал себе, как и прежде.

Ближе к обеду Фрол выдохся, несмотря на то, что пытался распределять нагрузку. Ноги его подкашивались, сердечко ухало прямо в голову.

Вывод напрашивался сам собой: для службы он не годен. Здоровья нет. Только попробуй здесь это объясни кому-нибудь.

Капитан нашел Фрола сидящим на двух битых кирпичиках подле кучи с землей.

Взглянув на «котлован», в котором трудился Федоров, начальник гауптвахты с долей любопытства посмотрел на Валетова:

– Из вас получается неплохой тандем. В армии важнее всего уметь хорошо копать. Чем глубже вы закопаетесь, тем меньше вас убьют. Куда же ты, Федоров, масло заныкал?

– Мама мне говорила, чтобы я никогда не воровал. Не брал я масло, товарищ капитан, – солдат перестал копать и стал смотреть снизу вверх.

– Где масло, Федоров?

– Нет у меня масла.

– Целых десять кило. Куда тебе столько?

– Незачем. Мама говорила, что много масла вредно.

– Придется тебе и после обеда копать. Пока не скажешь, куда дел. Караульный! Арестованных и наркоманов на подозрении – в камеру!

Хлебая воду с фрагментами капусты и вермишели, Фрол старался убедить себя в необходимости питаться тем, что дают. Переходить с разносолов на постную пищу ох как нелегко.

– Чем там тебя кормили, в санатории?

– Бананами, – слащаво улыбаясь, ответил Федоров, вспоминая о сладостях прежней жизни.

– Как тебе местная похлебка?

– В части лучше кормят. Но жизнь там хуже. Здесь лучше.

– Что ж тут хорошего? – Фрол огляделся. Решетки, голые стены, бетонный пол, нары, параша. – Это ж тюрьма. Ты мне скажи, в части лучше кормят?

– Лучше, – согласился мамин сын, лопаая овсянку на воде с куском черного хлеба.

– Постель там дают?

– Дают.

– И стрелять?

– Иногда.

– И чего ж там тогда, по-твоему, плохого?

– Деды.

Фрола передернуло. Дедовщина для него, маленького и хиленького, представлялась огромной проблемой.

К камере подошел сержант.

– Валетов, на выход.

Глядя через решетку на сытую рожу, Фрол вспомнил гоблинов Гоги, которые держали его, пока бывший компаньон обрабатывал. Да, была в жизни ночька.

Мордатый повел Фрола через территорию части. Новобранец вертел головой.

Солдаты ходят только строем. Офицеры иногда отдают друг другу честь. Асфальтовые дорожки военного городка не остаются без внимания и постоянно подметаются. Тут и там видны зеленые шуршащие зады – словно кочки на болоте.

Праздношатающихся Фрол не заметил. Все куда-то идут, бегут или собираются идти или бежать, выстраиваясь в колонны.

На фоне серых зданий в глаза бросались две вещи: российский флаг на небольшом двухэтажном здании и надпись, сделанная огромными буквами вдоль всего плаца: «Дедовщина не пройдет. Порядок будет за нами!»

Судя по словам Федорова, данный лозунг – только лозунг.

Сержант проводил его в какой-то барак, неподалеку от ровного ряда гаражей, в некоторых из них Фрол видел мужиков, возившихся со своими машинами. Были и иномарки, и наши.

Барак оказался овощехранилищем. Спустились в добротный подвал. Несмотря на огромный вентилятор, продувающий помещение, чувствовался стойкий запах гнили.

Проходя между контейнерами со свеклой, картошкой, морковкой, Фрол дивился количеству хранящейся здесь жратвы. Не зря на входе охрана.

Лавировать между контейнерами долго не пришлось. Зайдя за очередной, сержант остановился. На ведре перед кучей гнилой моркови сидел солдатик и курил.

Повернувшись на шум, он заулыбался. Тонкие губы натянулись, демонстрируя отсутствие третьего верхнего зуба слева.

– Витек, ты чего так долго, в натуре. Оборзел вконец.

Сержант промолчал. По ситуации выходило, что солдат на ведре главнее.

– Эй ты, чмо, давай дерьмо в сторону, нормальное в контейнер.

Фрол как-то не сразу понял, что это к нему обращаются.

– Чего ты замер, мелкий? Бери ведро, начинай. Витек, сигарета есть?

– Есть.

– Пошли покурим. А ты давай, не разгибаясь. Служба началась, понял?! – Солдат поднялся, он оказался высоким, выше, чем хотелось бы Фролу, и склонился над ним с наглой ухмылочкой на конопатом рыльце.

– Понял, – проямлил Фрол.

Куча с непонятно по каким причинам прогнившей морковью, ведь подвал вроде сухой, не давила на мораль размерами.

«Можно и потянуть, а то найдут еще занятие», – Фрол еще не знал, что сейчас ему на ум пришла первая истинно солдатская мысль.

Авторитет вернулся довольный, во всяком случае, он улыбался, когда смотрел на обернувшегося Фрола. В следующее мгновение из-под него ударом ноги вышибли ведро.

– Это мое, запашок. Ты обо мне должен заботиться, а не я о тебе.

Фрол поднялся, огляделся. Ведер больше не было. Пришлось сесть на корточки.

– Ты откуда, сынок?

– Чебоксары.

– Да-а, – авторитет почему-то задумался. – Чувашский рай. Вон за теми контейнерами есть ведро. Тебе надо перебраться кучу до ужина.

Авторитет Фрола не подгонял. Все больше отлучался куда-то, потом приходил, проверял, как идут дела, и уходил снова.

Как-то спросил, за что на губу попал.

– Не на губу, в госпиталь. Думают, что я нарк.

– Очень даже похож. Такие суки, как ты, в карауле стреляют или себе в башку, или в тех, кто окажется поблизости.

– Я ни при чем. Какой-то урод курил марихуану в тамбуре.

– Значит, и сам курил, раз знаешь, как травка пахнет.

Фрол промолчал. Что-то этот фрукт очень агрессивно настроен против наркоманов.

– Почем кроссовки брал? – из гражданки на Валетове остались лишь кроссовки «Найк». Чтоб до военкомата дойти, можно чего и попроще надеть, но у него других не было. Все фирма и фирма. Так спиртным ведь торговал, не книжками.

Фрол как-то не задумывался над такими мелочами. Посмотрев на обувь, он почесал лоб.

– Долларов восемьдесят.

– Ни хрена себе! Жаль, что у нас с тобой размеры не совпадают. А то б махнулись.

Фрол бросил взгляд на начищенные кирзовые сапоги.

– А я послал командира взвода.

– Ты тоже на губе?

– Тоже! – поморщился солдат. – Шакалы.

– Кто?

– Офицерье! Житья не дают, суки. Молоденький шакаленок завалил в казарму в три ночи. Мол, я духов качаю. Качаю духов, ну и что? Остальные ж спят. В общем, этот урод мне и говорит: «Еще раз – и в дисбат». Ка-азел.

Появился сержант.

– Валетов, пошли.

– Витек, ты чего? Тут еще полно!

– Капитан приказал.

– И что! – заорал авторитет. – Я, по-твоему, сам должен?

– Должен, – набычился сержант.

– Ладно, Витек, но ты не прав.

Фрола увели от нестабильного авторитета. Ввели в камеру, но не в родную.

Глава 4 АЛЕКСЕЙ

Алексей Дмитриевич Простаков отлепил лоб от окна плавно бегущего вдаль поезда.

Кто бы мог подумать, что по возвращении с охоты его ждет отвратительнейшая новость. Пришла повестка из райвоенкомата. Он не хотел служить. Но и отлынивать от службы в роду у них считалось делом грязным.

Тут еще этот генерал, как уж его там, Серпухов. Придурок, на охоту с гранатами и пулеметом... С головой не дружит. Похоже, на самом деле у него там в черепе осколок.

– Я все устрою.

Посмотрим. Впрочем, на связи заезжего охотника Леха не очень-то и надеялся. Больше на себя рассчитывал.

Генерал еще спрашивал, где он служить хочет.

Призывник тогда пожал могучими плечами и опрокинул одиннадцатую вслед за десятой.

– Ничего-ничего, – махал рукой захмелевший Серпухов. – Найду тебе местечко. Хороший ты охотник, Леха.

Дед Федот припелся на провода, старый хрыч. Нагадал на тетеревиных мослах, что он вернется обратно обязательно.

Потом стал петь на северный манер, как мучает парня тоска в далекой армии, будто армия страна какая. Тоска, соответственно, по девушке. И девушку, ждущую любимого, тоже мучает та же тоска. В общем, он достал, но все дослушали.

Даша, девушка его, сидела румяная, глаза в пол. Еще бы, она наконец созрела, и Леха через день после охоты сделал самое большое мужское дело в жизни. В его комнатке, на здоровенной кровати, тихим вечерочком. Видать, повестка резвости ему прибавила, а с нее немного гонор сшибла.

Теперь только и останется вспоминать те мгновения всю долбаную службу. Но, говорят, можно сходить в отпуск на восемнадцать дней. Вот тогда он с Дашей ознакомится по полной программе. Разглядит и запомнит в деталях формы и поверхность. И никакой охоты!

– Может, по пиву? – Маленький и шустрый Гена из соседнего села хлопнул здоровяка по плечу.

Генка близко жил от Лехи, всего пятьдесят километров. Друг друга пацаны не знали, познакомились лишь в областном военкомате.

Генка худенький, кость тонкая, только кисти рук непропорционально большие. Пальцы сильные, рукопожатие крепкое. Охотник, как и Леха. Зато восемь классов закончил. Сам.

А Простаков четыре года отсидел за партой, больше не смог. Родители как ни пытались убедить его учиться, ничего у них не вышло.

Сынок в одиннадцать лет заявил им, что они без образования живут и он проживет. Вот она, тайга, умеешь стрелять – прокормишься.

– Давай пить, – вяло согласился Простаков. Генке нужны были деньги, и он их получил.

– Я мигом, в вагон-ресторан и обратно.

– Ладно, только смотри, чтоб заика чего не почувал.

Прапорщик Маслоедов вез в часть восемь призывников. Посадив салаг в поезд, он каждое утро пересчитывал, все ли на месте, после отключался на одной из верхних полок.

– Про-про-простаков, – говорил он каждый раз после проверки, глядя большими голубыми глазами в окно, – ба-ба-баба есть?

– Девушка, – отвечал Леха, затем поправлялся: – Женщина.

Маслоедов медленно почесывал бок, смотрел в бескрайнее небо и по-житейски подводил итог:

– Зна-зна-значит, баба.

Одна и та же церемония повторялась раз за разом. Ехать до места неделю. Леха сделал далеко не утешительный вывод: прапорщик не только заика словесный, но еще и мысленный. Придется отвечать ему каждое утро одними и теми же фразами, надо ждать, пока дойдет.

Маслоедов спал, а все призывники, собравшись между двух перегоронок плацкарты, пропивали последнее. Лехе денег не жалко, старший брат посоветовал ему все спустить в поезде.

Он тогда спросил – почему? Братан хитро улыбнулся и пообещал, что Леха непременно сам все узнает. Неужели так сложно объяснить?

Генка потянул Леху за рукав свитера.

– Расскажи, как ты в район ездил.

– Опять? – Здоровяку не хотелось ворочать языком, но общественность настояла, и пришлось вновь вспоминать все, что с ним приключилось.

– Медкомиссию я прошел быстро, – Леха поставил бутылку на стол и утер рот. – Они там на меня поглядели, сказали: годен. Только я до сих пор не пойму, зачем мужик в очках просил меня член показать. Эка невидаль. Ну, показал. Очки у него с носа упали, а я одеваться пошел. Надоели они мне. То глаза закрывай, то разбери, что они там шепотом говорят. Одна тетка стала картинки показывать цветные. Говорит: «Что видишь?» Я пригляделся. Как зверье в лесу маскируется, так там цифры написаны. Все в кружочках. Думали, не прочитаю. Дураки, я ж охотник.

Потом военком сказал, что я буду снайпером. Тупой он какой-то, а еще военный. Я ж и так снайпер. Зачем мне им по второму разу становиться?

В общем, ушел я от них в полдень. До автобуса, что домой возит, оставалось три часа. Делать нечего, а деньги есть, – Леха отхлебнул из бутылки и посмотрел на этикетку. – Вот пошел взял такое же, кажется. Сел на лавочку, сижу, пью. Солнышко, ветерок небольшой, на улице тогда было около двадцати, морозно чуть. Сидеть не очень. Все ж поддувает.

Здесь слушатели с пониманием закивали головами.

– Ну вот. Начал я вторую бутылочку, а первую у лавки поставил. Тут же мужичок ее подобрал. Небритый, дикий какой-то. Не понравился он мне. Пошел я в автовокзал от ветра, да и от этого мужичка, который стоял в стороне и ждал, когда я и вторую допью.

Народу в здании полно было, поэтому я на улице и сел поначалу, не хотелось в толпе.

В помещении я киоск с газетками и журналами отыскал. Купил себе альбом с картинками, «комиксы» называется. И взял, наличные все достал, тысячи три было, мелкие купюры искал.

Себе ничего не купил, главное, матери цепочку золотую, тоже в карман с деньгами записал. Она так и болталась среди бумажек.

Тут ко мне разукрашенная такая маленькая девица прицепилась. Смотрит, главное, то на меня, то на деньги, то на недопитую бутылку пива.

Говорит, не хочу ли я угостить ее.

Ну, протянул я ей бутылку. Головой завертела, сказала, что есть недалеко кабачок. А она симпатичная, хоть и очень уж бледная. В чулках, представляете, на таком морозе. Ножки худые, ровненькие.

– Ну, у тебя, конечно, поднялся, – встрял Гришка.

– Не перебивай. Дай послушать, – зашумели все на него.

– Вошли в заведение. Сели за свободный столик в углу, взял я ей пива. Она закурила, сняла шапочку, волосы поправила. Ко мне тут же подсели два мужика. Рожи кривые, прыщавые. Уроды. Через какое место таких на свет воспроизводят? Один лысый, старый, лет сорок,

другой, может, на пару лет меня постарше, наоборот, лохматый и нечесанный. Воняло от них. Слово «мыло», наверное, никогда не слышали.

В общем, поджали меня с боков, старый достал какой-то там ножичек складной с крохотным лезвием, ну, может, с ладонь оно-то и было, и мне в бок упер. Другой тут же стал меня обыскивать.

«Вы чего», – говорю. А старый мне: «Молчи». Девка тогда молодому подсказала, что деньги у меня в правом кармане брюк. И как она запомнила? Молодой ко мне в карман полез. Я прям растерялся. Какие наглые в городе люди есть. – Кто-то хихикнул. – Я сказал, что денег им не дам. А они не поверили. Девка закурила и дым мне в лицо пустила да еще назвала меня деревенским дебилом.

Меня так с рождения никто не оскорблял. Чувствую, до денег он добрался и руку назад тянет. А пачка толстая, и вытянуть он ее обратно никак не может. Там еще и цепочка для мамки. Велели мне привстать. Я поднялся, схватил рукой лезвие ножичка да и сломал его. Это ж левое дело, каждый знает.

Старый отшатнулся, а у молодого рука все в моем кармане. Накрыл я его руку своей свободной, а в другой продолжаю отломанное лезвие держать. Ну, молодой и заскулил по-волчьи. А я их не очень люблю, волков-то. Быстро из-за голенища сапога, а они у меня на меху, классная вещь, достал свой нож, а сломанный на пол бросил. У моего походного длина четверть метра. Лезвие так просто не сломаешь.

Девчонки на стуле как никогда и не было.

«Извините», – молодой стал просить прощения. И все руку из кармана дергает. А из-за соседних столиков народ встал и вышел. Скоро в кабаке никого не осталось. Только я, парень с рукой в моих штанах и толстый мужик за перегородкой, что пиво продавал. Я ему: «Отпусти деньги». А его заклинило, прям как нашего прапорщика. Глазами моргает, руку тянет, чую, вместе с пачкой. Пришлось наколоть его немного.

Слушатели замерли.

– Тулуп его я проткнул слегка. Перепугался, закричал, не понял шутки, думал, я всерьез его резать решил. Деньги выпустил, руку выдернул и бежать. Потом я там так до самого автобуса в кабаке и просидел. Народу мало. Хорошо. И туалет у них кафелем выложен. Красота. Одного я не понял. Зачем же она про деньги сказала? Ведь я ее пивом собирался напоить. От чистого сердца. За просто так. От души. И обозвалась почему?

Гена зааплодировал.

– Леха, ты феномен.

– Чего? – Простаков никогда раньше не слышал такого слова. – Это ты по-английски?

– Не знаю.

– А я тебе по-английски могу ответить.

– Это как это?

– Фак ю.

* * *

В последние сутки развернулся настоящий фестиваль на отдельно взятых четырех койках. В небольшом закутке пропивалась и прожиралась последняя Лешкина тысяча.

Прапорщик и до сегодняшнего дня от бутылочки пива не отказывался, но водку брать никому не разрешал. Пацаны все равно глушили неофициально, и обходилось без последствий.

Вечером, накануне прибытия в Самару, а ожидалось оно утром в девять пятьдесят, Маслоедов решил устроить послабление.

– Ну-ну-ну как, в-в-водку будем?

Народ просто-таки осел на дно. Неожиданная приятность, надо сказать.

– То-то-только по пятьдесят грамм и все – баиньки. За-за-завтра в десять нас встречают н-н-на вокзале.

* * *

Леху еле растолкали. Генка, не церемонясь, хлыстал его по щекам. Наконец, когда тот очухался, он дал ему плотнуть воды из пластиковой бутылки.

Разодрав красные с перепоя глаза, Простаков посмотрел в маленькое окошко пассажирской будки, установленной на «ЗИЛ-131».

– Уже Самара?

Генка постучал кулаком по толстой лобной кости.

– Очнись, идиот, какая Самара. Мы там два часа назад были. Это Киржи! Уже в часть приехали!

– Чего, меня несли? Я ничего не помню.

– Хорош сидеть, ты последний, уже все вышли.

Леха резко поднялся, зашатался и пошел к выходу. Генка подхватил за ним небольшой пакетик с туалетными принадлежностями.

По совету брата Леха не взял с собой ничего. Только деньги на дорогу, а дорога прошла под пивом, как во сне, вроде вчера еще дома уснул, а проснулся – бац, в части.

Подойдя к двери, Простаков решил прыгнуть вниз, не пользуясь лесенкой. И прыгнул. В голову садануло откуда-то изнутри. В глазах потемнело, голова закружилась. Для того чтобы не упасть, он схватился рукой за будку.

– Бы-бы-быстрее! – рявкнул Маслоедов.

Зрение медленно возвращалось.

Лехе приходилось уже несколько раз строиться, поэтому он знал, куда ему нужно становиться. Став первым, он попытался замереть, что оказалось не так-то просто.

Земля звала его в свои объятия, и огромному сильному организму пришлось вести нешуточную борьбу с вновь проснувшимся после выпитой водички «зеленым змием».

Рядом с прапорщиком перед строем стоял какой-то мужик с четырьмя звездочками на погонах, по две на каждом, с журналом в руках.

Что такое?

У прапорщика под глазом Простаков увидел серьезной величины фингал. Кто ж это ему так? Вот это вдарили!

Маслоедов старался стоять по стойке «смирно». Взгляд его не отличался ясностью, впрочем, у привезенных в часть парней кристального зора также не наблюдалось.

«Сколько же мы вчера ужрали? Может, помнит кто. Надо выяснить ради интереса. Давно меня так не развозило».

Весеннее солнышко пригревало. Настроение медленно улучшалось. И чего не постоять в такую погоду в строю на солнышке. Красота!

– Сынки, – ласково, как показалось Лехе, обратился к вновь прибывшим военный с четырьмя звездочками на двух погонах, – вы напоминаете мне осиную рощу в ветреную погоду. Смирно! – неожиданно рявкнул он, и набухавшееся отделение новобранцев вздрогнуло, на мгновение замерло, а затем снова принялось раскачиваться кто куда.

– Простаков!

До Лехи дошло, что его вроде зовут. Он встрепенулся, пошатываясь, вышел из строя и подошел к офицеру.

– Чего? – спросил сын Сибири, нависнув над мужиком с журналом, словно бык над ягненком.

Почему-то офицер отступил на шаг и начал орать:

- В строй! Встать в строй, солдат!
- А чего же звал? – обиделся Леха. Пришлось развернуться и идти на место.
- Стой! Кругом! Ко мне!

Мужик определенно начал выходить из себя.

Тяжело вздохнув, Простаков снова подошел к офицеру.

- Резче, резче надо команды выполнять, товарищ солдат!

Неожиданно пришлось рыгнуть. Выдох пришелся в лицо горлопану.

- В вырезвитель! Немедленно!
- Вырезвитель, – бубнил Леха, лупая глазами. – За что? Я почти трезвый.
- Молчать!

Леха посмотрел на прапорщика, ища поддержки, но тот почему-то улыбался. Он поднес руку к лицу, чуть дотронулся до синяка.

Тут Простаков сник.

- Я ничего не помню.

- Там вспомнишь! – продолжал орать разошедшийся не на шутку офицер.

Первым делом, сев в камеру, рассвирепевший новобранец с третьей попытки отодрал решетку с окна и бросил ее на пол. Потом подошел к фронтальной решетке из стальных прутьев и деформировал ее в нескольких местах.

Каждая из сплошных боковых перегородок, ограничивающая размеры камеры, получила по мощному удару кулаком.

Пацанчику, охраняющему арестованных, столько дури в одном теле видеть еще не приходилось, и он благоразумно сжимал рукояточку штык-ножичка и помалкивал, глядя на неистовства Кинг-Конга из Красноярского края.

Выпустив пар, Леха сел на нары и уставился в одну точку – отверстие в полу, предназначенное для отправления естественных надобностей.

Прошло вряд ли больше часа, и к камере кто-то подошел.

Леха повернул голову.

Плотный мужчина с весьма тяжелым подбородком был одет в черную кожаную куртку, армейские штаны и высокие армейские ботинки. Ни шапки, ни кепки на его лысой голове не было. О звании его можно было только догадываться, Леха все равно в погонах не разобрался. Так уж получилось.

На арестанта смотрели черные колючие глаза. Смотрели пристально, не моргая.

«Чего пялится? Я вроде не обезьяна».

- Чего встал, проходи давай.

Только теперь мужик моргнул.

– Да-а-а, – протянул он, разглядывая места крепления решетки, закрывавшей окно, – такого пациента я не припомню.

- Это что, больница?

Лысый перевел взгляд на погнутые прутья клетки.

- В некотором роде.

- Я здоров, – Леха поднялся и подошел к мужику. Тот благоразумно отошел на шаг.

- Я вижу. Работать хочешь?

- Я служить приехал.

– Ну так надо же с чего-то начинать, – военный достал ключи и отпер камеру. – Пойдем, Простаков, покажу тебе фронт работ.

- Вы знаете, как меня зовут?

- Выходи. И как зовут, тоже знаю.

Из соседней камеры он выпустил еще пару воинов. Два каких-то бледных, чем-то напоминающих водоросли солдата молча показались в общем коридоре. Увидев Леху, оба дружно оскалились, показав желтые зубы.

«Ну и глаза у них. Блестящие, широкие, зрачки маленькие».

У одного черные круги под глазами. У другого губа рассечена, кровь едва запеклась.

– Привет, запашок, – произнес обладатель отеков, застегивая фуфайку.

– Разговоры! – рявкнул лысый. – В колонну по одному, за мной шагом марш. Улиткин, Баров – конвой!

Леха нахмурился. Он не знал значение слова «запашок», но ничего хорошего от подобного приветствия не ждал.

Из караулки вышли двое солдат со штык-ножами. Оба ненамного ниже Лехи. Рожи угрюмые, раздраженные.

Завидев охрану, двое из соседней камеры быстренько встали один за другим. Леха определился последним.

Вышли на улицу. Как оказалось, к отдельно стоящему зданию дивизионной гауптвахты подъехала машина, доверху нагруженная белым силикатным кирпичом.

– За работу, – грубо скомандовал лысый. – Целый кирпич ложить в стопки, сюда и сюда, бой в сторону, сюда.

Отдав приказание, командир без определенного звания удалился. Караульные тут же сели на здоровенный пенёк, оставшийся от когда-то росшего большого дерева, и закурили.

Двое бледных немедленно подошли к Лехе.

– Ты откуда? – спросил один, сплевывая сквозь зубы прямо на Лешкины старые ботинки. Случайно, наверное, получилось у него.

– Красноярский край, – солидно ответил Простаков, подпирая одной рукой бок.

– А мы самарские, местные, понимаешь? – подключился к разговору второй, с разбитой губой. – Иди у караульных сигаретку попроси.

– Я не курю.

– Зато я курю, а мне не дадут. Я уже спрашивал.

– Так работать же велели.

– Вот ты сейчас за сигареткой сходишь и начнешь. Ты же не куришь, а мы пока подымим.

Леха подошел к сидящим на пне солдатам. Оба загадочно улыбались, попыхивали табачком и разглядывали Леху.

– Дайте закурить, – спокойно попросил Простаков.

– А пое...тсья не завернуть?

Ответ показался Лехе очень грубым.

– Тебе что сказали делать, дядя? – подключился другой. – Иди трудись.

Леха ни с чем вернулся к стоящим в стороне солдатам с блестящими глазами.

– Мне тоже не дают, – огорченно сообщил он.

«Отеки под глазами» нахмурились.

– Плохо просил. Придется тебе начинать работать. Через часок еще раз сходишь. А мы пока потерпим без курева.

– Хорошо, – согласился Простаков. – Я начну, а вы догоняйте.

– Ыгы-гы, – услышал он вслед непонятно от кого, отправляясь к нагруженной машине.

Время шло. Леха выгрузил почти все кирпичи, до каких мог дотянуться, не залезая в кузов.

Разогревшись на работе, он не замечал, как летит время.

«Неплохо бы помощника», – подумал он и поискал глазами двоих бледных.

Арестованные сидели вместе с караульными и о чем-то весело между собой трепались.

– Ты чего остановился! – выкрикнул «разбитая губа». – Давай трудись, а то всю ночь работать будешь.

– Я есть хочу! – промычал Простаков, отбрасывая в сторону кирпич и приближаясь к солдатам.

– Работай, дура, а то командир придет, заставит тебя еще и вторую машину разгружать одного.

– Будет и вторая?

– Будет! Работай давай!

Тут до Лехи наконец дошло. Они вели себя точно так же, как и его старший брат, когда хотел свалить на него работу потяжелее.

Братан постоянно придумывал какие-нибудь причины, по которым он не может убирать хлев. Редко помогал. Всю жизнь весь навоз был на Лехе. Пока Юрка в армии был, он за всей скотиной убирал.

Правда, теперь он там убирает вместо него. Нет! Он же женится, и у него свое хозяйство появится. Опять увернулся.

Подходя к четверым солдатам, греющимся на солнышке, Простаков окинул взглядом двор. Никого. Очень хорошо.

– Куда прешься! Иди грузи! – закричал «отец».

– Мне бы помочь надо, – гундел Леха, приближаясь. – Одному тяжело.

– А ты думал, служить легко! – «Рваная губа» поднялся со своего места – дощечки, положенной на кирпичики. – Давай трудись, запах!

Оба караульных заржали. Арестанты в такт гыгыкнули.

– Я такого полудурка в первый раз вижу, – сказал один из комендачей другому так, чтобы Леха обязательно услышал.

– Вы чего смеетесь? – Простаков подошел вплотную к поднявшейся «рваной губе».

– Смотри, борзеет. Я не верю своим глазам, нам попался борзый запашок, – со своего места встал и «отец». – Иди работай.

Леха обмяк. Они все хотят, чтобы трудился только он. Почему? Ведь сказали всем кирпичи разгружать. И караульные какие-то странные. Они ведь должны заставлять этих, с ошарашенным взглядом, работать.

– Вы чего меня все время запахом называете? От вас больше воняет. Жареной коноплей, похоже, будто прикорм для рыбалки готовили всю ночь.

Оба побитых переглянулись и притухли.

– Неужели так прет? – усомнился «отец», подходя к коллеге и обнюхивая его. – Не может быть. Чего встал, иди работай.

– Мы с тобой вдвоем пойдем, – Простаков своим спокойствием вогнал всю четверку в краску.

Один из караульных начал ржать.

– Ну-ну, – не мог он договорить из-за дурного смеха, – ну ты и чудо, ебть! Ты бы знал!

– Вы будете все работать.

– Смотрите! – воскликнул «отец». – На глаза!

Леха наклонил вперед голову и уставился на обидчиков исподлобья.

– Ни фиги себе! Кровью наливаются, как у быка! – «Рваная губа» хотел отойти, но был пойман за грудки и подтянут на двухметровую высоту.

– Ты быка-то видел? – Невообразимой глубины бас извергся из огромного чрева.

Жертва оказалась на грани нервного шока.

– Э!

– Э! Ты чего?! – Караульные начали вставать.

Леха изловчился и другой рукой успел ухватить второго арестанта за шиворот. Он поднапрягся и соединил две головы.

Раздался глухой звук. Оглушенные солдаты в беспомощности упали на землю.

Карательные пятились назад. Они не успели достать штык-ножи. В одном прыжке «два ивана» завалил обоих. После падения быстро вскочил. Тук. Тук. Оба в нокдауне. Так и не успели подняться после падения.

Когда солдатики очухались, штык-ножи перешли к Простакову. Да ему холодное оружие и не нужно, и так справится.

– Бегом к машине! – отдал он приказание все тем же заставляющим стынуть в жилах кровь басом. – Передо мной медведи среди зимы обсирались. Вы слышите, черви? Если кто-то попытается бежать – поймаю и оторву ноги.

В четыре вечера ходом работ решил поинтересоваться начальник гауптвахты – капитан Смирнов. Выдыхнувшись после обеда, он в прекрасном настроении вышел во двор.

Первыми бросились в глаза аккуратно уложенные кирпичи.

«Молодцы, – подумал он. – Когда солдаты в последний раз так аккуратно работали? Наверное, тот здоровый напался. Поспокойнее будет».

Долго искать арестантов, а вместе с ними и караул не пришлось. Они сидели рядом на корточках, а перед ними на пенечке, поигрывая ножами, расположился Леха.

Рука капитана инстинктивно потянулась к бедру. Пистолета нет.

«Разоружил охрану. Что у него на уме? Он не убежал. Надо бы за оружием. Поздно. Заметил».

– Идите сюда! – спокойно позвал Простаков.

Капитана передернуло. Он отвернулся. Затем повернулся снова.

– Кто?! Я?! Я иду. Конечно, иду! Сиди, не вставай.

Офицер подошел и остановился в двух метрах. У всех четверых сидящих на корточках были биты морды.

– Что здесь произошло? – мягко начал капитан, медленно проводя рукой по запотевшей лысине. Он не пялился на оружие, но периферийным зрением контролировал лезвия.

Леха и не думал угрожать.

– Помогать мне не хотели, – он отправил сталь в ножны.

– Понимаю, – офицер приблизился еще на метр. – Оружие надо бы отдать.

– Конечно, забирайте, оно ж денег стоит, я понимаю, – Леха спокойно протянул офицеру ножи.

Смирнов тяжело выдохнул.

– Вы устали? – Здоровяк снова превратился в белого и пушистого кролика.

Лысый вяло улыбнулся.

– Немного, вот пока к тебе шел.

– Давление?

У мамы иногда болела голова. Она говорила, что это из-за давления. Других причин, по которым человеку может нездоровиться, Леха не знал.

– Вероятно, – согласился Смирнов. – Здесь, я смотрю, все нормально. Можно идти обратно.

Даже овладев оружием, начальник гауптвахты не чувствовал себя в безопасности и не спешил орать.

Четверо стали было вяло подниматься. Ноги у них явно отекали. Сколько же они тут сидели?

– Я сейчас вернусь, провожу товарища до места. А вы, раздолбаи, чтобы сидели вот точно так же. Пошли, Простаков.

* * *

– Решетка, видишь, выдрана, – сержант вертел связку ключей на шнурке.

Фрол посмотрел на сваренные между собой прутья, затем на окошко под потолком.

– Сделаешь раствор, вмуруешь ее на место.

Фрол неуклюже работал мастерком. В своей жизни он ни разу не брал в руки этот инструмент. Как оказалось, для того чтобы размешивать в ведре раствор, нужна была некоторая сила в предплечье.

Приноравливаться пришлось, снося лишения. Решетку-то он кое-как приладил, встав на внесенный в камеру табурет, а вот замазать нормально не мог. Не доставал до верхних выбоин и с табурета.

Раствор не хотел держаться на мастерке и все время шмякался на пол, а когда он наконец доносил его до нужного места, раздавался следующий шмяк.

– Я есть хочу, – пожаловался Леха по дороге.

– Ничего, сейчас накормим, – голос у офицера был добрый, ласковый.

Только когда за Лехой снова защелкнулся замок, Смирнов позволил себе крикнуть по-мужски. До сего момента он был больше девочкой, нежели мальчиком.

– Скоро принесут пожрать! – резко объявил он. – Потерпи, голубок!

– Ага, – согласился новобранец, забывая про офицера и разглядывая маленького пацанчика, бросившегося заделывать на место выдернутую решетку и обернувшегося на шум.

В камеру вводили животное, от которого несло необузданной природной мощью.

Сглотнув, Фрол слез со стула и стал смотреть то на капитана, то на детину, пытаясь уловить, в каком настроении находится гигант.

Замок камеры щелкнул.

– Привет, – первыми поздоровались два метра и протянули руку. – Я Леха.

– Фрол, – ответил паренек с жиденькими русыми волосиками, подавая запястье. – Извини, рука грязная, в растворе. Какой идиот решетку выдернул? Через это окошко даже я не пролезу.

– Я и не пытался лезть. Меня просто разозлили, – стал оправдываться Леха. Он и сам не ожидал, что будет объясняться перед этим маленьким.

Фрол уловил в голосе неуверенность. Здоровый-то он здоровый, но ко всякому детине можно подход найти. Эти переростки тихие и спокойные, если их не доставать.

– Поможешь?

– Помогу. А что делать?

– Понимаешь, мне даже со стула неудобно. Ты здоровый. Давай я тебе на плечи сяду, ты ведро поддержишь. Мы эту решетку мигом вмуруем.

– Давай. Только я есть хочу.

– Тебе много надо, – посочувствовал Фрол, хорошенько размешивая раствор. – Ничего, скоро принесут.

– А тебе хватает? – Простаков сразу для себя сделал вывод, что новый его знакомый очень умный и знает намного больше него. Он вообще не такой, как те, с кем ему приходилось сталкиваться до сих пор. От паренька несло хитростью за версту. Угловатая быстрая мимика в сочетании с четкими выверенными движениями делала его похожим на ласку. А ласка – зверь хитрый.

– Мне тоже не хватает. Да разве это еда?

– Точно, – согласился Леха. – Ты сколько прослужил?

Простакову формы еще не выдали и, стоя сейчас посреди камеры в гражданке, о своем сроке службы, который равнялся нулю, он мог и не заикаться.

Фрол подбоченился.

– Один.

– Год?

Валетов прикинул, стоит ли говорить правду. С этим лучше не хитрить, за что-то же он попал сюда...

– День.

Простаков рассмеялся на всю «губу».

– А я десять!

– Дней?!

– Часов! Чего стоишь, лезь на плечи. Будем мою решетку замазывать.

Мимо камеры протопал сержант, сопровождая авторитета из овощехранилища.

– Эй, пидорасы, что это у вас за поза!

Рука у Фрола дрогнула, и он капнул на нос Простакову.

– Извини.

– Ерунда, – машина смерти развернулась от окна и направила оптику на объект.

Сержант Витек заторопил подконвойного:

– Пойдем, чего ты встал. Иди в свою камеру.

– Дай посмотреть, как два запаха трахаются.

Алексей подошел к решетке, не снимая с плеч Фрола. Резким движением он окатил оборзевшего солдата раствором из ведра, которое держал в руках. Еще не вся жижа коснулась лица нахала, а уже мощная рука, пролетев сквозь прутья, ухватила его и притянула к заграждению.

– Извинись.

Раствор попал козлу в глаза, и он начал истошно вопить, но Леха не отпускал.

– Скажи: «Прошу прощения!»

Еще немного, и голова солдата прошла бы между прутьями, отбросив уши.

Фрол, сидя на плечах, щелкнул по темечку мастодонта.

– Отпусти его! Хватит. Пусть идет глаза мыть!

Леха послушался. Отошел в глубь камеры.

– Валетов, все убрать! – орал сержант, уводя в туалет своего знакомого.

Фрол слез с Простакова.

– Ты идиот! Если он потеряет зрение, тебя засудят лет на десять!

Леха опешил.

– Правда? – Мямля растеклась по его собственным губам.

– Прявдя, – передразнил Фрол.

Решетку они заделали, от раствора все отмыли. С нахалом обошлось. Капитан Смирнов, узнав о происшествии, добавил всем участникам инцидента по двое суток, сержанту влепил выговор.

Больше всех недоумевал Валетов. Ему-то за что? Он сидел на плечах у Лехи и никого не трогал.

После ужина – сечка, кусок черняги, несладкий чай – к Лехе в камеру вошел капитан. Здоровяк удосужился прекратить лежку и сесть на койке.

– Когда входит офицер, надо вставать, молодой человек.

«С чего это он заискивает?»

Простаков встал.

– А вы нас обманули. Еды до ужина нам так и не принесли.

– Извините, больше не повторится, – офицер издевательски расшаркался, делая реверанс. – Вы знакомы лично с генералом Серпуховым?

– С Антоном? – Леха улыбался шире некуда.

Капитан помрачнел. Неужели все так плохо?

– Да, с Антоном.

– Вместе охотились. А что с ним?

– С ним ничего. Заботится о тебе, понял? Лично. Генерал-лейтенант о тебе вспомнил, детина.

– Кто детина, а кто хворостина.

– Разговоры!

– Чего вы кричите?

Смирнов закатил глаза.

– Урод, – прошипел он от полного бессилия.

– Сам урод.

– А-а, ы-ы, ну ладно, – смирившись с неизбежным, капитан, привыкший опрокидывать и ломать всех и вся, спокойно заговорил: – Если бы не генерал, ты бы у меня...

– Или ты бы у меня, – перебил Простаков, находясь на волне душевного подъема и почуяв свободу, чем вызвал очередной заход зрачков за веки.

– Ты направляешься в учебную часть. Будешь сержантом. Командиром отделения.

– Сразу! – воскликнул радостный Леха.

– Через шесть месяцев, – больше никаких эпитетов Смирнов не добавлял. – Будешь химиком. «Зарин Зоманычем».

– А это кто?

– Вот там и узнаешь.

– Там через камеру Фрол сидит. Можно и его?

– Валетов? Ну какой из него сержант?

– Я буду за двоих. Я могу командовать хоть взводом, хоть полком.

Смирнов подошел вплотную.

– Мальчик, ты хозяйством своим научись командовать, когда ему лечь, когда встать, потом поучись лет пять в военном училище.

– Значит, если хрен стоит, то в училище не возьмут?

– Молчать! Забирай с собой этого полудохлого. И катитесь отсюда ко всем чертям!

Валетов не скрывал радости от того, что его выпускают и отправляют в учебку, да еще и с Лехой. Пусть химиком, какая разница. С таким приятелем ему будет легче служить. Лично знаком с генералом, разве плохо?

Отбывающие в часть стояли напротив капитана, оформлявшего бумаги.

Не скрывая улыбочки, Фрол нашептывал на ухо пригнувшемуся к нему сибиряку:

– Со мной в камере пацан сидит. Говорят, что он десять килограммов масла украл, но в это я не верю. Он волшебный...

– Как это?

– Чудной значит.

– Дурачок, что ли?

– Ну, типа того. В части его обижают. Попроси, чтоб задержали здесь подольше. Ему тут лучше.

– Товарищ капитан.

– Чего.

– Подержите соседа Фрола подольше. Его в части обижают. Ему здесь лучше.

Капитан перестал писать и задумался.

– Запросто. Держать – не отпускать. Если он еще расскажет, кто его обижает.

– Ему в санаторий надо.

– Ну-ну, может, тогда и в санаторий устроим.

Ехать никуда не пришлось. За новобранцами, успевшими ознакомиться с современными реалиями гарнизонной губы, пришел маленький, ростом с Фрола, сержант с двумя фуфайками под мышкой.

Нагловатая, со вздернутым курносим носом физиономия щеголяла ярко-красными губами, прямо как у девушки. Афганка, осветленная хлоркой, ладно сидела на крепком торсе, укороченные кирзовые сапоги сверкали, кепочка отутюжена, звездочка на лбу горит. Почти как у Пушкина: «...месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит...», но то про Царевну Лебедь сказано.

Сержант Никодимов, так он представился капитану, оценил кроссовки Валетова долгим жадным взглядом.

– Надевайте тулупы и шагом марш за сержантом, – скомандовал капитан.

– А как же джинсы? – Фролу было жаль штаны, замененные на старую форму.

– Гражданку носить в части не положено.

Фуфайка на Простакова не полезла, пришлось нести в руках. Фрол же, надев свою, сразу в ней затерялся основательно, без какой бы то ни было маскировки. Просто получилась ходячая фуфайка с головой.

– А другого размера нет? – недовольно проворчал он. – Я в ней, как пугало огородное.

– Ничего, ничего, солдат должен вызывать чувство паники у противника.

– Так прежде, чем я окажусь лицом к лицу с противником, я всю Российскую армию распугаю.

Капитан остановился, задумавшись, и глубокомысленно произнес:

– Нашу армию таким не напугаешь, она и не к такому привычная.

Глава 5

АВИТАМИНОЗ

Протопап вокруг плаца в колонне по одному, новобранцы вошли в подъезд трехэтажного здания.

Один солдат со штык-ножом на поясе стоял около тумбочки, другой мыл длинный прямой коридор.

– За мной, – скомандовал сержант большому и маленькому.

Пацаны потопали по казарме в самый конец. По обе стороны от коридора – койки, койки, койки.

Фрол к радости для себя заметил наволочки на подушках. Комфорт.

От общей массы коек два десятка кроватей были отделены символической фанерной перегородкой. Если в основной части казармы солдат не было, то здесь кипела жизнь.

Фрол и Алексей с радостью для себя обнаружили еще с десятков обритых наголо пацанов. На всех была армейская форма. Никто на кроватях не валялся, все сидели на табуретках и отходили от ужина.

Увидев Простакова, кто-то тихо присвистнул.

– Твоя, – Никодимов указал пальцем на Простакова, затем на койку. То же он проделал и по отношению к Фролу, определив ему место над сибиряком. – Присяга у вас через две недели.

Ближе к девяти вечера к молодым вошел прапорщик. Широкое, как сковорода, лицо с толстыми губами и лоснящимися щеками, с глубокими кисточками морщин около карих узких глаз и красным, вероятно, никогда не бледнеющим носом излучало в пространство любовь к ближнему, если он в форме, желание помочь, если он в форме, даже возможность налить в стакан водяры, но если... Да-да, только тогда. Может быть, время от времени прапорщик становился сволочью, но только по службе. Такое доброе лицо не может принадлежать гаду.

Кто-то гаркнул:

– Встать, смирно!

Все вскочили с табуретов, побросав кто устав, кто иголку с ниткой.

– Вольно, садись, – крикнул недотраханый офицер или перетраханый солдат, что одно и то же – в результате прапорщик получается.

Подразделение запахов плюхнулось на мягкие места.

– Новенькие, пошли со мной, – прапорщик обратил внимание на неудачные попытки защитника Отечества подшить воротничок. – Что ты делаешь, Катерпиллер.

– Катерпиллер – это трактор, – буркнул кто-то позади Фрола.

– Как там тебя?

Солдат назвался:

– Кратерский, товарищ прапорщик.

– Да-а-а. А имя есть?

– Дормидонт.

– А отчество?

– Феофилактович.

– И как мне прикажешь все это запоминать? – Тяжело вздохнув, прапорщик встал на середину прохода, отобрав у Кратерского китель, подшиву, нитку и иголку. – Смотрим сюда. Сейчас бабу трахать будем, – переложив принадлежности в одну руку, мужик достал очки из нагрудного кармана кителя и водрузил их на нос, после чего стал похож на школьного учителя.

Надо ли говорить, что жители самых глухих деревень, и самых крупных мегаполисов, и средних размеров поселений напрягли зрение и наострили уши.

– Первым делом надо что?

– Подмыться! – выкрикнул Фрол.

Народ заржал.

– Не верно. Надо подумать о безопасном сексе. Надо надеть что? Катерпиллер?

Дормидонт покраснел.

– Наперсток надо надеть. Наперсток. Но наперстка у меня нет, поэтому рискую получить СПИД. Итак, вставляем, – прапорщик быстро вдел нитку в игольное ушко. – Вот, со второго раза попал. Неплохо. Теперь сразу ведем ее на постель. Так, постель не подготовлена, оставляем наших молодоженов в состоянии неопределенности перед первой брачной ночью, – он воткнул иголку с ниткой в рукав своей темно-зеленой формы. – Берем белую тряпочку стандартного образца, которая называется как, Катерпиллер?

Солдат покраснел еще больше.

– Если ты думаешь, что точно так же, как и в первый раз, то ты прав. – Дормидонт продолжал смущаться. – В более литературном варианте фрагмент материи, предназначенный для того, чтобы грязная шея не терла воротничок кителя, называется «подшива». Некоторые особо умные военнослужащие режут на это дело простыни, но у меня такого не наблюдается. Прикладываем подшиву к вороту, вот так. Теперь снова возвращаемся к нашей парочке и первым делом задеваем за живое. Вот так. Наживили. Дальше легче, возюкаем туда-сюда и постоянно натягиваем, чтобы больше кайфа. Всем видно?

Со стороны входной двери стал нарастать топот множества тяжелых сапог. Гул становился все сильнее, все громче, пока не перешел в рев. Затем набравшая силу волна пошла на убыль.

– Становись! – раздавалось из коридора.

Учебная рота радиационной, химической и бактериологической защиты, сокращенно РХБЗ, выстраивалась в коридоре.

– Товарищ прапорщик, общее построение, – в закуток вошел подтянутый старший сержант.

Простаков выглянул в коридор и увидел, что военнослужащие уже стоят в две шеренги.

– А у меня формы нет, – пробасил он обиженно. Даже на Валетове было обмундирование, правда, старого образца, но все же.

– В край, последним.

Новобранцы строились напротив своего кубрика отдельно от остальных, что подчеркивало их второсортность. Солдат до присяги – еще не солдат.

В результате Леха возвышался рядом с Фролом. Вся рота успела поглазеть на здоровяка. Кто-то помалкивал, у кого-то язык за зубами не держался.

– Башня.

– Ого-го.

– Монстр.

– Мужчина, – несло из уст.

Леха надул губы и стал смотреть прямо перед собой.

– Смирно! – скомандовал прапорщик.

На этаж вошел среднего роста капитан с округлым, пухлым, лоснящимся лицом. Узкие черные глазки стреляли из-под густых бровей, оценивая контингент. Леха почувствовал, что и на него тоже посмотрели, а в это время прапорщик докладывал:

– Товарищ командир, вторая рота учебного батальона радиационной, химической и бактериологической защиты по вашему приказанию построена.

– Вольно, – капитан сам опустил приложенную к кепке руку, после чего то же самое сделал и прапорщик.

Выйдя на середину строя, офицер представился:

– Для вновь прибывших и тех, кто макаронами мозги закушал, я капитан Большебобов. Для большинства еще и товарищ капитан, для обормотов российского военного хозяйства – просто капитан. Остальные могут ничего этого не запоминать. Через пять минут вечерняя прогулка. Сержант Никодимов, наряд на завтра.

Боец вышел из строя. Резко повернулся, раскрыл журнал. Он зачитывал фамилии. Оглашение прерывалось звонким «Я!».

– Встать в строй.

– Есть!

Сержант вернулся на место.

– Дорогие дети, – капитан сменил жесткую интонацию на смазливую речь. – Желаю вам в этот прекрасный вечер спокойной ночи... – Была сделана пауза, и вся рота гаркнула:

– Спасибо, товарищ капитан!

– Пожалуйста. Так вот, я хочу, чтобы каждому из вас приснилась голая красивая тетя. Нет, тетю вам рано, голая красивая девушка...

– Спасибо, товарищ капитан!

– До девушки и после нее трехлитровая банка свежего пива...

– Спасибо, товарищ капитан!

– И смотрите, не заболите во сне триппером. Кому приснится голый мальчик, отправлю служить на север, так как данный сон является неуставным. А в уставе внутриказарменной службы страница 18 пункт 6.4 четко и ясно прописано: «Каждый военнослужащий обязан стойко преодолевать тяготы военной службы и разлуку с женщинами». Умные заметили, что о мужчинах там ничего не говорится. Командуйте, прапорщик.

Капитан ушел. Старшина роты встал на его место, подождал секунд десять после того, как дверь в казарму закрылась, затем тихо проговорил:

– Это был автор собственного устава внутриказарменной службы капитан Большебобов. Редкостный мудака, однако.

Кто-то гыгыкнул.

– Смирно, сироты и пришлые оборванцы! Рота-а-а! – «а-а-а» полетало между стен и затухло, наступила тишина. – Построение перед подъездом в колонну по четыре. Десять секунд. Кто последний, тот очкарик. Сорвались с ужасом!

Сто человек как один ломанулись к выходу, рискуя затоптать друг друга и громко вопя во всю глотку:

– А-а-а-а!!!

Открыта была только одна створка, и, естественно, у двери образовалась пробка, а прапорщик считал:

– Восемь, семь, шесть.

Личный состав с гвалтом вылетал на улицу.

По построению Фрол и Леха оказались последними. Простаков не хотел становиться очкариком, хотя и не знал, что это такое. Подняв Фрола под мышки, он отстранил его, очистив себе путь. Остальных он не знал.

– Четыре, три.

Они не успевали выйти. Черт, что это здесь за игры такие?

Фрол видел, что у двери еще десяток пацанов. Он зацепил сибиряка за рукав и закричал: «Не надо!»

Но поздно.

Чуть присев, Простаков уперся в спины двоим хлипеньким солдатикам и так вдавил их в общую кучу, что послышались сдавленные крики, а затем хруст выламываемой второй створки.

– Чего творишь?! – заорал прапорщик вместо «два» и «один».

Замешкавшиеся были вытолкнуты скопом.

Злой прапорщик вышел на улицу.

– Простаков! Ты что творишь?

Леха был доволен.

– Аха-ха! – смеялся он. – Мы все успели, товарищ прапорщик, очкариков в роте нет!

После команды «отбой» прошло не более десяти минут, а в комнатухе появился сержант Никодимов. Личико у него было злое, садистское. Фрол с Лехой еще не знали, что сержанты в учебке с наступлением темноты превращаются в отборных скотов. Пацаны что-то говорили про наступающую ночь, но они как-то пропустили это мимо ушей. И так слишком много впечатлений.

– Всем добрый вечер! – издевательски произнес Никодимов. Следом за ним появилось еще двое из сержантского состава, куда крупнее и тупее первого.

– Здоров, – пробурчал Леха, переворачиваясь с боку на бок и почесывая друг о дружку торчащие за пределами кровати лапы, – а теперь не гунди и дай поспать.

– Запахи, подъем! Добрый дядя прапорщик ушел домой. Ваши жопы в нашем полном распоряжении!

Все вокруг стали вскакивать со своих мест. Фрол лежал в знак солидарности с дремлющим еще Простаковым, хотя у него под одеялом свело от страха обе ноги и мочевого пузыря.

Леха продрал глаза.

– И чего орать?!

– Ты не понял, куда попал, детина?! Умолкни! – К Лехе подлетел один из сержантов. Фрол его уже мысленно похоронил. Какая интересная рыжая, коротко стриженная черепушка. Жаль, если он ее проломит. Проломит?!

Фрол с верхней койки уговаривал Простакова:

– Леш, давай встанем, чего тебе стоит. Все уже построились.

Простаков улегся в одних трусах. Когда сержант сдернул с него одеяло, он сам же и отшатнулся от горы мускулов. Но заряд борзоты не давал ему остановиться.

– Мелкий, пошел в строй! – Он ухватил Фрола за шею и стряхнул с койки. Фрол полетел вниз, чудом не ломая себе кости и приземляясь на колени.

Случившееся далее нормальному разумению не поддавалось. Сержанты будут вспоминать этот финт до конца дней своих.

Простаков лягнул ногой в живот невоспитанного военнослужащего. Силы в удар он вложил достаточно для того, чтобы рыжий, пролетев по воздуху над Фролом, ударился о двухъярусную койку, стоящую в противоположном ряду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.